

Венецианское завещание

Автор:

[Анна Князева](#)

Венецианское завещание

Анна Князева

Детектив с таинственной историей

Дайнека открыла коробку, найденную в тайнике на чердаке бабушкиного дома. Она увидела пачку бумаг – в них повсюду мелькала буква «ять». Это была переписка художника Николая Бережного и баронессы Эйнауди, чей безнадежный роман трагически оборвался больше ста лет назад...

Едва справляясь с волнением, Дайнека аккуратно извлекла из конверта письмо баронессы. «Купчую высылаю Вам...» – писала та. Еще не развернув второй лист, Дайнека знала, что это оригинал. Купчая на особняк в Венеции, не имеющая срока давности...

Карнавальное безумие охватило площади, улочки и набережные Венеции. Рядом с Дайнекой оказались два типа в золотых масках. Черные, с опушкой, треуголки делали их похожими на гвардейцев какого-то зловещего ордена. Дайнека еще не знала, какой подарок для нее приготовил этот чужой итальянский город с нежным названием Венеция...

Анна Князева

Венецианское завещание

Аэропорт города Римини. Италия. 20 марта, 15 часов 10 минут

Привычный график аэропорта был безнадежно разрушен многочасовой задержкой чартерного рейса.

В зале второго этажа, где ожидали вылета не меньше трех сотен российских туристов, все вдруг разладилось и стало непредсказуемым.

Утомленные пассажиры бродили в поисках свободных кресел, а желающие поесть находили в буфете лишь замороженные полуфабрикаты и в лучшем случае могли рассчитывать только на чашку хорошего итальянского капучино.

Несколько человек в униформе прошли через зал к запасному выходу. Среди пассажиров пронесся слух, будто сработала пожарная сигнализация, и это пустячное происшествие подогрело и без того накаленную обстановку.

– Внимание, говорит флай-стюард авиакомпании Бестлайн. Чартерный рейс Римини – Москва задерживается. О времени вылета будет сообщено дополнительно.

Шум голосов затих, потом дружное многоголосие с новой силой взметнулось вверх и раскатилось по всему залу ожидания.

Пассажиры, покинувшие зону беспошлинной торговли, вновь возвращались туда.

В воздухе возникло и нарастало ощущение тревожного праздника. Отовсюду слышался звон бутылок. В кафе с грохотом сдвигали столы и тащили стулья. В буфете спешно готовили бутерброды...

Дайнека сидела в пластиковом кресле. Съезжая по скользкому сиденью вниз, она то и дело заталкивала себя обратно. В голове еще не уложились события последних дней. Того, что она пережила за эти дни, хватило бы на целую жизнь...

Ее больше нет...

Эта история началась в самом конце зимы, по-московски слякотной и сырой. Ночь выдалась бессонной, за окном моросил дождь. Сквозь стекло был виден фонарь в сверкающем нимбе капель.

Пригревшись под одеялом, Дайнека размышляла о счастье и переменчивости судьбы, о суете и тщетности устремлений. О многом, не подозревая, что скоро все это покажется ей чистейшим вздором.

В пять утра в дверь позвонил отец.

Они мчались по безлюдным улицам навстречу городскому рассвету. Дайнека думала о том, что еще недавно они так же ехали в Брянск. В багажном отделении джипа лежала посуда, стулья и другие нужные для новоселья вещи.

Тогда баба Лиза возвращалась в дом, который когда-то принадлежал ее родителям и откуда в сорок первом, сразу после начала войны, их семья уехала в эвакуацию в Сибирь. Там она и осталась жить.

Два месяца назад бабушка сообщила, что возвращается в Брянск. Отец напрасно уговаривал ее дождаться весны. Казалось, Елизавета Петровна спешит завершить что-то очень важное в своей жизни.

В ее бывшем доме проживал друг детства, юрист, Станислав Казимирович Мачульский. «Пан Стани?слав», так называла его баба Лиза, уступил ей правую половину дома за весьма скромные деньги.

Пустые комнаты казались заброшенными. Это особенно тронуло бабушку. Она гладила стены рукой, припадала к дверным косякам и с радостью повторяла:

– Я вернулась домой...

В первый же день Дайнека предложила залезть на чердак. Она знала, что перед эвакуацией бабушка спрятала там свою любимую куклу. Но Елизавета Петровна

остановила ее.

– Не сейчас, – сказала она. – Мне теперь так хорошо. Не все сразу. Приедешь на каникулы – вместе найдем.

Машина подъехала к деревянному дому с решетчатым палисадником. На крыльце курил высокий старик. Затянувшись в последний раз, он выкинул сигарету и спустился вниз.

– Наконец-то приехали... Такое горе...

Дайнека приникла к пану Стани?славу. Потом подошел отец, и они отправились в дом.

В сенях толпились незнакомые люди. Дайнека не видела ни одного лица, она застыла на пороге комнаты, где стоял гроб с телом бабушки. Вячеслав Алексеевич прошел дальше и сел в изголовье.

За спиной Дайнеки раздался шепот:

– Сын приехал... Он еще не знает? Ему не сказали?..

– Прикуси язык, балаболка... – оборвал женщину пан Стани?слав.

Дайнека насторожилась.

– Иди сюда, – раздался голос отца.

Она зашла в комнату и села рядом.

– Попрощайся с бабушкой.

Вячеслав Алексеевич обнял дочь, и она снова заплакала. Спустя какое-то время пан Стани?слав сказал:

– Пора...

– Так скоро? – спросил Вячеслав Алексеевич.

– И так задержали...

– Прошу, дайте мне еще пять минут.

Вячеслав Алексеевич испуганно смотрел в лицо матери. Дайнека тоже подняла взгляд.

То, что она увидела, вызвало у нее нервный озноб.

Из комнаты, где продолжались поминки, доносились приглушенные голоса и вежливый звон посуды.

Вячеслав Алексеевич сидел у кухонного окна, Дайнека стояла рядом, прислонившись к стене. На ней было узкое черное платье. При том, что выглядела она худенькой, от лица веяло свежестью. Короткие темные волосы приглажены без затей. Резко очерченные, чуть полноватые губы сдержанно сжаты, отчего в уголках залегли скорбные складки.

Пан Станислав говорил тихо, будто сам для себя:

– В тот день я поехал к сыну. Они с женой уехали в санаторий, а мне поручили присматривать за квартирой. Через три дня вернулся, чтобы навестить Лизу... Она умерла во сне. Врачи говорят – сердце. – Пан Станислав закашлялся и продолжил виноватым тоном: – У нее не осталось здесь знакомых, Лиза редко выходила на улицу. «Я слишком долго не была дома», – сказала она как-то. И я хорошо ее понимаю... вернее, понимал, – поправился он. – Наверное, вы не знаете, незадолго до смерти Лизу увезли в больницу... сердечная недостаточность.

– Почему вы не сообщили мне? – Вячеслав Алексеевич закрыл глаза, стараясь подавить подступившие слезы.

– Ты же знаешь свою мать. Она запретила. Так вот... через два дня Лиза позвонила и попросила ее забрать. Она очень хотела домой.

– Вы исполнили ее просьбу?

– Я не мог отказать ей. Когда Лиза вернулась, она заметила, что в доме кто-то побывал. Я тогда не поверил. Она и раньше рассказывала, что слышит по ночам какие-то звуки. Однажды ей почудилось, будто по чердаку кто-то ходит. – Он горестно покачал головой. – Но я не поверил.

– Вы или ваши близкие ничего странного не замечали? – спросил Вячеслав Алексеевич.

– После того, как уехал внук, кроме меня, в доме остался только кот. Я много времени провожу на работе. В это трудно поверить, ведь мне уже семьдесят пять. Пока есть возможность, стараюсь помогать детям. Сам знаешь, какие заработки в провинции...

– Простите, – прервал его Вячеслав Алексеевич. – Мы остановились на том, что в отсутствие матери кто-то побывал в доме. У нее что-то пропало?

– В том-то и дело – ничего. – Пан Стани?слав достал из кармана пачку сигарет. – У тебя не найдется огонька? – спросил он у Вячеслава Алексеевича и, когда тот покачал головой, сунул сигареты обратно.

– Вы заявили в полицию?

– И не говори мне об этих... – Старик выпрямил спину. – Пся крев! Знаешь, о чем они спросили? Часто ли твоя мать прикладывалась к бутылке! И это о Лизоньке... Пся крев!!

– Значит – нет. – Вячеслав Алексеевич посмотрел в окно. – Моя мать не была выжившей из ума старухой. И если она сказала, что здесь кто-то побывал, значит, это правда.

– Мне больно думать о том, что Лиза три дня лежала мертвая, одна в этом холодном доме...

Не сдержавшись, старик всхлипнул. Вячеслав Алексеевич встал и положил руки на его поникшие плечи.

- Пся крев... - Пан Стани?слав вытер ладонью слезы. - Иди, Слава, к столу, помяни Лизоньку, я приду позже.

Отец вышел из кухни, Дайнека осталась со стариком.

- Знаю, тяжело. Посиди... - сказал он. - Бабушка очень любила тебя.

- Я тоже ее любила.

- Месяц назад она составила завещание. Свою половину дома оставила тебе. Не забывай ее...

- Не забуду.

- Лизоньке было здесь хорошо. Жаль, что недолго. - Старик вспомнил. - Я должен отдать тебе ее документы.

- Какие документы?

- Семейный архив. Вернее, часть архива. По просьбе твоей бабушки документы хранились в моем сейфе. Вчера я принес их из нотариальной конторы.

- Все еще там работаете?

- Буду работать, пока ходят ноги.

В кухню вернулся отец:

- Все разошлись. Осталась только соседка, она вымоет посуду и принесет ключи. Станислав Казимирович, я благодарен вам за все, если бы вы сообщили мне раньше...

– Не стоит благодарностей, Слава. Времени было в обрез, к тому же это – мой долг.

Мачульский тяжело поднялся со стула. Темный костюм подчеркивал врожденное благородство осанки. Он совершенно выпадал из кухонного антуража. Породистый профиль, аккуратно подстриженные седые волосы...

Взглянув в лицо старика, Дайнека вдруг поняла, что он с трудом стоит на ногах.

Пан Стани?слав покачнулся, медленно опустился на стул и начал заваливаться на бок. Он удивленно повел глазами, будто прислушиваясь к чему-то внутри себя.

Дайнека бросилась к нему.

– «Скорую!» Немедленно вызывайте «Скорую!» – завопила она испуганно.

Глава 2

Старое письмо

Отец уехал в Москву вечером, когда окончательно выяснилось, что Мачульскому ничего страшного не грозит. Дайнека осталась, пообещав, что вернется домой поездом и, конечно же, будет держать отца в курсе событий.

Несколько часов, которые пришлось провести у постели пана Стани?слава, показались ей вечностью.

Как только старик уснул, Дайнека решила, что он умирает. Она смотрела не отрываясь на его бледные веки, надеясь заметить хоть какое-то движение. Несколько раз они подрагивали, но глаза не открывались.

Дайнека вскакивала с кресла, в смятении металась по комнате, потом садилась и снова смотрела в бескровное лицо старика.

Она вышла только на пять минут для того, чтобы покормить кота, а когда вернулась, увидела, что больной проснулся.

- Господи... наконец-то.

- Что, испугал я тебя?..

- Ерунда, - с притворной беспечностью отмахнулась она, и только глаза выдавали ее тревогу. - Если хотите, я что-нибудь приготовлю.

- Сиди... - сказал пан Стани?слав. - Я не хочу есть. Давай лучше поговорим. Только придвись ближе... глуховат я стал... Слабость, да еще этот шум в ушах...

Она покорно придвинула кресло, Мачульский взял с тумбочки коричневый бумажный пакет и положил на ее колени.

- Вот, - сказал он, - пришло твое время...

Дайнека поежилась. В доме топилась печь, но сквозняк совсем выстудил комнату.

- Здесь что-то ценное? - спросила она.

- Нет. Ничего особенно ценного... Ничего ценного для постороннего человека. Для тебя, напротив, - история твоей семьи. Это не весь архив. Часть его была утеряна во время эвакуации: осталась в брошенном доме. Так сказала Лиза... - Он на мгновение прикрыл глаза. - Великий Боже... Ее больше нет.

- Вы хорошо знали бабушкиных родителей?

- Я тогда был совсем ребенком, как и Лиза (она всего на один год старше меня). Мы учились в одной школе, и я был влюблен в нее.

Дом, как и теперь, был разделен на две части. В этой половине жила Полина, Лизина тетка. Ваша семья занимала правое крыло дома. Мать Лизы, тетя Груша, не работала. Отец был начальником сталелитейного цеха. Когда я приходил в

гости, меня усаживали за стол и непременно кормили. Вернее, подкармливали... В польских семьях всегда много детей. В нашей их было восемь, и я – старший. Жили впроголодь... Если бы не твоя прабабушка, не стать мне таким крепким.

В сорок первом ваша семья уехала в эвакуацию, а мы, как тогда говорили, остались «под немцем». Я не успел попрощаться с Лизой. Когда прибежал, их грузовик уже сворачивал за угол в конце улицы. Дверь была распахнута настежь, а в доме хозяйничали мародеры. Я стал свидетелем того, как срывают с окон шторы, как разрушают то, что было для меня так дорого...

Пан Стани?слав не договорил. Дайнека видела, что воспоминания причиняют ему боль.

– Меня тогда крепко побили, – снова заговорил он. – Я никогда не забывал Лизу. Думал, что расстанемся ненадолго, а оказалось – на всю жизнь. Встретились мы лет через тридцать, она была замужем, я – женат. К тому времени, когда умер твой дед, я тоже остался один и не раз просил Лизу переехать в Брянск. Но ты и твой отец еще жили в Красноярске, и она всякий раз мне отказывала.

После ее возвращения сюда мы много времени проводили вместе. О чем только не говорили! Как-то Лиза рассказала, что отец ее матери был известным московским архитектором. Фамилия – Бережной, а вот имени не припомню. Хотя постой... Лизину мать звали Агриппиной Михайловной, значит – Михаил Бережной. Точно... Он был намного старше своей жены, женился на ней, будучи вдовцом. От первого брака у него оставался взрослый сын, который трагически погиб. Это таинственная история, о которой в доме никогда не говорили. Однако я помню случай, когда вечером в саду тетя Груша читала вслух какие-то письма. Кажется, адресованные погибшему. Его звали Николай. Говорили, он был талантливым художником. Мне на всю жизнь запомнилась одна фраза из того письма:

«Душа моя плачет и рвется туда, где Вы. Мне невыносимо думать, что Вы уехали не простившись».

Красивые слова, их могла написать только любящая женщина...

– Станислав Казимирыч, – Дайнека замялась, – сегодня я услышала странную фразу. Какая-то женщина сказала, что папе должны сообщить нечто важное,

связанное со смертью бабушки.

Старик досадливо крякнул.

– Не обращай внимания. Все это досужие домыслы и сплетни. По принципу «одна баба сказала». Соседка из дома напротив видела, как в день смерти к твоей бабушке приходил какой-то мужчина. На этом основании «сарафанное радио» объявило, что Лизу убили, хотя медицинское заключение говорит о том, что произошла остановка сердца.

– Но у нее было такое синее лицо... и нижняя губа насквозь прокушена... – Дайнека страдальчески сморщилась, стараясь больше не плакать.

– К сожалению, именно так заканчиваются сердечные приступы. Я спрашивал соседку, но не услышал от нее ничего вразумительного. Она даже не помнит, как выглядел тот мужчина. Есть только один факт, который действительно встревожил меня. Та же соседка утверждает, что ночью в доме включали электрический фонарик. Это произошло тогда, когда, по заключению медэкспертизы, Лиза уже была мертва.

Уставившись в одну точку, Станислав Казимирович покачал головой.

– Что ж, ничего не поделаешь... – Он перевел глаза на девушку. – Прости меня, девочка, задержал я тебя. Завтра утром езжай домой. Тебе, верно, на занятия нужно...

– Сейчас в университете каникулы.

Пан Станислав опустил веки.

– Поздно уже... иди... постелишь себе в комнате внука... спокойной ночи.

Дайнека продолжала сидеть, прислушиваясь к дыханию старика, пока не поняла, что он спит.

Часы в гостиной показывали начало первого. За окном царил беспросветная тьма. В соседних дворах, как в деревне, на разные голоса перебрехивались

собаки.

Дайнека прошла в комнату, где ей предстояло провести ночь. На стене в деревянной рамке висела большая фотография хозяина комнаты – Костика. Внешность его была более чем прозаической и лишенной какого бы то ни было романтизма: курносый, расплывшийся нос, одутловатые щеки и белокурые волнистые волосы. К сожалению, Константин Мачульский не унаследовал от своего деда ни подтянутой фигуры, ни благородного горбоносого профиля польских шляхтичей.

Дайнека никогда не видела Костика. Но знала, что он учится на юридическом факультете в Москве, а на каникулах подрабатывает в нотариальной конторе своего деда.

Она уселась за письменный стол и, положив перед собой пакет, вскрыла его. Внутри было много разных бумаг. Свидетельства о рождении, старинные фотографии в причудливых паспарту, пожелтевшие аттестаты с выведенными перьевой ручкой оценками, почетные грамоты и прочие семейные раритеты.

Увидев старинный сертификат на рояль «Блютнер», Дайнека вспомнила бабушкин рассказ о том, что во время войны рояль остался в их брошенном доме. Что с ним случилось? Возможно, теперь он украшает гостиную немецкого дома, а может быть, догнивает в деревенском сарае.

Наконец в ее руки попал затертый розовый конверт, подписанный по-русски и по-итальянски. Отправительницей значилась баронесса фон Эйнаути Екатерина Алексеевна из Венеции. Письмо было адресовано Николаю Михайловичу Бережному. Именно так, по словам пана Станислава, звали бабушкиного дядю по материнской линии.

Дайнека достала из конверта листок, он почти распадался на месте сгиба. Строки на пожелтевшей бумаге были написаны уверенной рукой.

1898 г. Сентября 21. Венеция.

Спасибо, милый друг, Николай Михайлович, что нашли время написать мне. Вчера получила Ваше хорошее письмо.

Вы желаете услышать от меня несколько венецианских новостей, но что Вы прикажете сказать о городе, где, что ни день, все одно и то же. Звон с колоколен и громкие окрики гондольеров – вот и все наши новости. На днях появилась здесь Наталья Петровна Мещерская.

«...как ангел прекрасна, как демон коварна и зла...»

От нее я узнала, что Вы все еще в Москве и здоровы.

Еще Вы желаете знать, как состоялось мое путешествие из Петербурга в Венецию. Благополучно, но монотонно. Вот и все, что я могу Вам сообщить любопытного.

Памятуя о Вашем давнем желании приехать в Венецию пансионером Академии художеств, могу дать наставление, которое, надеюсь, поможет Вам избежать в дороге многих бед.

Никогда не путешествуйте с круговым билетом, ежели не хотите, чтобы вас непрерывно поторапливали и тем досаждали.

Избегайте доверяться поездной прислуге, особливо если она знает, что вы русский. Очень гадко и грустно наблюдать за тем, как жадны и без нужды лживы. Против ласковых и веселых итальянцев все прочие европейские люди скучны и на одно лицо.

Искусство здесь – увы! От иных полотен веет холодом и смертью хотя бы потому, что все здесь заняты сооружением и украшением могильных склепов. Но возможно, Вы найдете в Венеции для себя большую перемену.

Я пишу в кабинете, и передо мною рисунок, что Вы подарили. Голубчик, не пишите больше о чувствах. Во мне уже нет прежнего женского тщеславия, когда речь идет о Вас. Вы совсем особенный человек, и любить Вам должно особенную женщину. Я настаиваю на этом, и ежели даже это не умно, делаю так, потому что должно. Внушите себе, чтобы смотреть на меня как на друга или родню.

О многом писать не стану, не все же разом. В следующем письме я Вам еще о чем-нибудь расскажу.

Вы мне дороги и милы, и моя дружба к Вам неизменна.

Ваша Екатерина фон Эйнаути

Глава 3

Ночной гость

Дайнека выключила свет и подошла к окну. За стеклом беспокойно колыхались голые ветви деревьев. Февральский ветер набирал силу, старый дом вздрагивал, отзываясь на его злые порывы.

Отчего-то сделалось грустно.

Она думала о Николае Бережном и баронессе Эйнаути. Ей казалось, что на пути этих двоих возникли непреодолимые препятствия. Женщина наверняка была замужем и, как указывал на то ее титул – за итальянским аристократом.

«Интересно, побывал Николай Бережной в Венеции или нет?»

Дайнека прижалась лбом к оконному стеклу, увидела отражение своего лица и вздохнула. Запотевшее стекло скрыло ее черты.

«Как это похоже на смерть...»

Она закрыла глаза: «Он жив, я знаю. Он жив».

Дайнека никогда не переставала думать о Джамиле. Она помнила его светлые волосы и сильные плечи. Помнила, как он двигался, как засыпал, как любил. Помнила каждое прикосновение, то, как он смотрел на нее, и какие у него глаза – серые и немного больные. Она и теперь чувствовала на себе взгляд Джамилы.

Он был для нее как пришелец с другой планеты, так был ни на кого не похож. Это он сложил ее как мозаику, заставил себя понять и полюбить со всей страстью души.

Дайнека не забыла ни одной подробности из того, что с ними случилось. В том августе, год назад, она прожила долгую жизнь, полную любви и страха, счастья и невыносимой боли. Встретив любовь, она тут же ее потеряла без всякой надежды обрести вновь.

– Ты жив, я верю, что ты жив. У моей любви есть только одно имя... Джамиль, – прошептала она и, не раздеваясь, легла на кровать.

Дайнека долго лежала в темноте. Смотрела на то, как двигались на потолке тени от ветвей деревьев. Они походили на копошащийся клубок змей. А когда «змеи» стали расползаться по стенам, в ее груди учащенно забились сердце: она услышала осторожные шаги, доносившиеся из другой половины дома, где еще недавно жила ее бабушка Елизавета Петровна.

Сначала они исходили откуда-то из глубины ее спальни, потом раздались совсем рядом, за стеной. Было слышно, как передвигают мебель, с тихим стуком открывают и закрывают невидимые створки шкафа.

Ее охватил мистический ужас, припомнились детские рассказы о воскресших мертвецах. Казалось, она узнает шаркающий звук бабушкиных тапочек.

Выйдя из оцепенения, Дайнека тихо прокралась на кухню, а потом в сени. Оттуда наверх вела деревянная лестница, по которой она поднялась на чердак.

Оставив открытым откидной люк, она осторожно перешла на другую половину дома. Студеный ветер с неистребимым упорством проникал сквозь многочисленные щели обветшалой кровли. Отовсюду слышался тревожный шум деревьев и скрип рассохшихся стропил. От страха сжималось сердце, и ей не верилось, что она решилась на этот отчаянный шаг.

Когда Дайнека приблизилась к дощатому люку, ведущему на бабушкину половину дома, то скорее угадала, чем услышала, как часы пробили один раз. Приоткрыв люк, она заглянула в образовавшуюся щель, потом, откинув его,

начала бесшумно спускаться вниз.

Входная дверь была притворена. Та, что вела на кухню, – распахнута настежь.

Дайнека отступила к стене, откуда в прямоугольник дверного проема просматривались кухня и гостиная. Освещение было до крайности тусклым, казалось, в комнате горит свеча. Спустя минуту Дайнека поняла, что это карманный фонарик.

Освещенный проем перекрыла темная человеческая фигура. Помедлив, незнакомец вышел на кухню. В колеблющемся свете можно было разглядеть только отблеск очков да трикотажную шапочку на его голове. Он приблизился к резному буфету и распахнул одну из его створок.

Мужчина что-то искал, в этом не было ни малейшего сомнения.

Дайнека отступила под лестницу и вдруг почувствовала, как кто-то вцепился в ее плечо. Чтобы не закричать, ей пришлось до крови закусить губу. Застыв в неудобной позе, она обреченно повернула голову и увидела горящие кошачьи глаза.

– Мя-я-я-я...

Это был кот старика Мачульского. По-видимому, он пробрался следом и, когда она приблизилась к лестнице, использовал ее плечо в качестве временной опоры.

– Прошу тебя, тише, – одними губами прошептала Дайнека.

– Мя-я-я-я... – чуть слышно отозвался кот и спрыгнул на пол.

В другое время, когда с улицы доносится гул моторов и людских голосов, этот мягкий звук кошачьих лап растворился бы в пространстве, как будто его и не было. Теперь же он показался ей оглушительным грохотом, который испуганно заметался в притихших от ужаса стенах.

Луч фонарика пробежал по стене и остановился рядом с Дайнекиной рукой. Ее спас дверной косяк, срезавший разоблачительный поток света ровно наполовину. Она наблюдала за тем, как желтоватый полукруг сполз на пол, сдвинулся правее и, превратившись в расплывчатый эллипс, наткнулся на мирно сидевшего кота. Пятно света мгновенно исчезло, ночной гость продолжил свои поиски.

Не решившись искушать судьбу дальше, Дайнека медленно поползла вверх по лестнице. Оказавшись на чердаке, она тихо опустила люк и облегченно выдохнула. Но спустя мгновение поняла, что успокоилась преждевременно. Снизу раздался скрип ступеней. Это скрипела лестница, ведущая на чердак...

Мгновенно мобилизовавшись, Дайнека всем телом налегла на крышку люка и сразу же почувствовала, как ее пытаются приподнять. Последовала минута абсолютной тишины. Убедившись, что чердак заперт, мужчина спустился вниз, и она услышала, как захлопнулась входная дверь.

Сквозь запыленное стекло чердачного окна Дайнека увидела включенные фары. Послышался звук отъезжающего автомобиля, и скоро все стихло.

Она спустилась вниз, заглянула в комнату пана Станислава. Прислушалась к его дыханию: старик мирно спал. На кухне включила электрический чайник и села на табуретку.

Теперь Дайнека была убеждена в том, что соседка говорила правду. Таинственный незнакомец побывал в доме, по крайней мере трижды: впервые – когда бабушка была в больнице, еще раз в день ее смерти и, наконец, сегодня.

Зачем он приходил? И почему все визиты пришлись на несколько последних дней?

Вряд ли это обыкновенный грабитель, да и чем можно поживиться в доме скромной пенсионерки?

«А может быть, он искал то, о чем не знала даже бабушка?..»

В этот момент Дайнека осознала, что рядом с ней существует другой, неведомый мир, откуда исходит реальная угроза.

Глава 4

Считай, разговора не было

Под утро старику Мачульскому стало хуже. Дайнека еще не ложилась спать. «Скорая» подроспела вовремя.

Собираясь в больницу, пан Стани?слав тщечно пытался продеть онемевшую руку в ускользающий рукав пальто.

– Хочу тебя попросить... – чуть слышно сказал он.

– Еще минута – и вы поедете на такси! – Молоденькая фельдшерица распахнула входную дверь, на ее лице застыло недовольное выражение.

– Мы готовы... – Дайнека помогла старику надеть пальто. – О чем вы хотели меня просить?

– Сегодня вечером ты будешь в Москве... – Он перевел дух. – Пожалуйста... выбери время... зайти к внуку... он давно не звонил... волнуясь.

– Обещаю.

– И непременно сообщи мне... думаю, недолго останусь в больнице... людей моего возраста...

– Вы что, совсем обнаглели?! У меня дежурство кончается! – прервала старика фельдшерица.

– Уже идем. – Дайнека едва сдержалась, чтоб не взорваться.

– Адрес найдешь на конверте, что лежит на подоконнике в моей комнате...
Прошу тебя, найди Костика... Если с ним что-то случится – мне этого не пережить... – прошептал Мачульский перед тем, как за ним захлопнулась дверца автомобиля.

– Я все сделаю, обещаю. Выздоровливайте...

В левом крыле дома было такое же, как у бабушки, крыльцо. Именно с него Дайнека наблюдала за тем, как, не проехав и ста метров, автомобиль остановился и медленно подался назад.

Она сорвалась с крыльца.

– Что?! – закричала в лицо появившейся фельдшерице.

– Я забыла свой чемодан.

Дайнека побежала в дом. Отыскав чемоданчик, вернулась. Присев на перила, фельдшерица прикуривала сигарету.

– Совсем замоталась, передохнуть некогда... – Она выдохнула голубой дым. – Вот ведь как бывает, за три дня дважды в одном доме побывала.

Дайнека смотрела в окна «Скорой помощи», ее интересовало только самочувствие пана Станислава.

Фельдшерица снова затянулась сигаретой.

– Позавчера приезжала на вызов в другую половину дома. Туда, где старуху задушили...

– Задушили?

– Я это сразу поняла: лицо синее, а на подушке кровь из прокушенной губы. Подушкой и задушили.

– Но в заключении сказано – сердечная недостаточность. – Дайнека еще на что-то надеялась.

– Старухе сто лет в обед. Кому нужно связываться? Умерла – и умерла.

– Ей всего семьдесят шесть... Это моя бабушка.

– Считай, разговора не было.

Отшвырнув сигарету, фельдшерица заскочила в кабину. Через мгновение автомобиль исчез за поворотом в конце улицы.

Дайнека огляделась, ей хотелось что-то предпринять.

«Позвонить отцу!»

Глядя на побелевшие пальцы, сжимающие телефонную трубку, она постепенно осознавала, что не должна этого делать. Она слишком хорошо знала отца. Сначала он пойдет в полицию, а потом станет изводить себя несправедливыми обвинениями.

«Нет, сначала разберусь сама. Во-первых, не следует безоговорочно доверять взбалмошной фельдшерице, она может ошибаться. Во-вторых, если бабушку действительно задушили, значит, у преступников была какая-то причина или цель. Ответив на вопрос «почему?», я, быть может, смогу ответить на вопрос «кто?».

Дайнека перебирала в голове все возможные мотивации, которые встречались в прочитанных ею детективах. Их оказалось немного.

«Деньги? Но их не было. Семейные ценности? – Она усмехнулась. – Откуда?»

Из дома напротив вышла пожилая женщина, соседка, которая обещала принести ключи от бабушкиной половины дома.

– Здравствуй. – Она смотрела куда-то под ноги. – Деда увезли?

- Да.

- А где кот?

- В доме.

- Я заберу его на время, пока дед не выпишется.

- Вы, наверное, ключи принесли?

- Совсем памяти нет... Вот. - Соседка протянула связку. Дайнека сунула ее в карман и посмотрела на женщину. Было заметно, что та чем-то встревожена.

- Послушай-ка чего... Ты одна здесь не оставайся. Мало ли... Вот и бабка твоя преставилась. Поди-ка разбери теперь - отчего. Держи-ка. - Она вытащила из кармана клочок бумаги.

- Что это?

- Там номер записан.

- Номер? - переспросила Дайнека.

- Этой ночью на бабкиной половине опять кто-то промышлял. Только на сей раз я схитрила, морской бинокль заранее на крючок повесила. У меня муж-покойник на флоте служил, - сообщила соседка. - А уж как фонарик по комнатам замелькал, я дождалась, пока этот паразит выйдет из дома и сядет в свою машину. Номер ее на бумажке. - Она сварливо поджала губы. - Как будешь говорить с дедом, скажи: зря он меня обидел.

- Вы не разглядели того человека?

- Нет. Только я деду сказала и тебе повторю - он уже приходил.

- Хорошо, я непременно передам. Жаль, не знаю когда.

– А коли так, я сама ему скажу, как из больницы выпишется. Но уж и ты подтверди при случае.

Глава 5

Куда катится мир

Вечером того же дня Дайнека уже была в Москве.

Папин телефон не отвечал, и она перезвонила на дачу, где он постоянно проживал с молодой женой Настей. Серафима Петровна, мать Насти, сообщила, что Вячеслав Алексеевич уехал в командировку, не дождавшись возвращения дочери.

На следующий день Дайнека откопала в сумке листок с адресом Костика, села в машину и уже через полчаса была неподалеку от гостиницы «Космос».

Ей не нравился этот район. Казалось, здание гостиницы угнетало сознание самим существованием своего исполинского бетонного тела. К тому же вблизи него всегда задувал пронизывающий холодный ветер.

Не доезжая до огромной буквы «Ж» на фасаде многоэтажной «сталинки», она свернула на улицу Бориса Галушкина и спустя минуту увидела табличку с номером восемнадцать. По узкому двору доехала до угла дома и остановилась.

Вблизи углового подъезда толпился народ. Решив, что у кого-то из жильцов свадьба, Дайнека вылезла из автомобиля и подошла ближе. На газоне, у футбольной площадки, она заметила полицейскую машину, за ней еще одну. Рядом стояла «Скорая».

– Что случилось? – спросила она у какой-то тетки.

– Убили кого-нибудь, не иначе.

– Убили... Муж убил жену, – отчего-то шепотом поведала стоящая рядом старушка и, вздохнув, пожала кругленькими плечами, – куда катится мир...

– Не знаете толком, вот и не дурите людям голову! – вмешался в разговор старик с рюкзаком. – Это – ритуальное убийство. Все стены в крови, она – как есть голая, и кишки на люстре болтаются.

– Господи, помилуй... – Старушка испуганно отшатнулась.

– Что за привычка гадости всякие выдумывать! – прикрикнула на старика женщина в домашнем халате. – Девушка не из нашего дома, была в гостях у своего парня. Убийство на почве ревности.

– А сам-то где?

– Сначала ее... – Женщина шмыгнула носом. – Потом себя порешил. Совсем еще дети... – Не сдержавшись, она уткнулась в платок.

– Из таких, как вы, получаются могучие теоретики, – ухмыльнулся полицейский с рацией.

– Куда катится мир, – повторила старуха и размашисто перекрестилась, как будто снимая с себя всякую ответственность за гибнущее человечество.

– Туда можно?.. – спросила Дайнека у полицейского.

– Отойдите! – неожиданно жестко приказал он и отскочил в сторону.

Из подъезда вышел санитар, за ним появились носилки, накрытые простыней. Все смолкли. Лежащего на носилках выносили вперед ногами. Дайнека отвела глаза.

«Я здесь случайно. Меня это не касается...» – успокаивала она себя.

«Касается... касается... касается...» – стучало в висках.

Дальше все было как во сне. Санитар споткнулся, носилки покачнулись. Из-под простыни выскользнула скрюченная рука и со стуком ударилась о сумку Дайнеки. Ей стало так страшно, что она едва не потеряла сознание.

- Мама, это усохший?.. - донесся издали тоненький голосок.

- Не усохший, а усопший... - поправила ребенка мать.

Дайнека не помнила, как оказалась в темном подъезде. Бежала наверх, хватаясь за перила и стараясь не думать о том, что случилось.

Дверь Костиной квартиры была распахнута настежь.

- Чего вам? - спросил коренастый человек в штатском, когда увидел ее на пороге комнаты.

- Где Костик?

- Вы его знакомая? Зайдите!

- Где он?

- А когда вы его видели в последний раз?

- Я вообще его не видела. Мы незнакомы.

- Тогда зачем вы здесь?

- Меня прислал его дед.

- А... - разочарованно протянул мужчина и, казалось, утратил к ней всякий интерес.

К нему подошел полицейский:

- Вы - следователь Дуло?

Пока они разговаривали, Дайнека обвела глазами комнату. Такое она видела только раз в жизни, когда ограбили квартиру соседей с верхнего этажа. Вещи, выброшенные из шкафов, равномерно устилали пол. Выдвижные ящики вынуты, бумаги разбросаны.

– ...девушку убили кухонным ножом... очень похоже на «бытовуху»... квартиру снимал ее друг, студент Константин Мачульский... не могу сказать... ищем... может, был кто-то третий, об этом говорить преждевременно. Посмотрим, что скажут криминалисты. – Дуло оглянулся и бросил Дайнеке: – Вы еще здесь? Немедленно уходите.

– Вы думаете, ее убил Костик? – спросила она.

– То, что я думаю, вас не касается... Девушка! Что вы делаете?!

Дайнека побледнела и схватилась за следовательский рукав: на обоях за его спиной багровело кровавое пятно. По счастью, рядом оказался заваленный бумагами стол, на который она смогла опереться.

– Вот только обмороков мне не надо, – буркнул следователь. – Придете в себя, и – вон отсюда. Вы мешаете работать. Кстати, вы сказали, что знаете деда Константина Мачульского. Я бы хотел ему позвонить.

– Только не это! – воскликнула Дайнека.

– Почему?

– Он болен.

– А родители?..

– В отъезде... – Дайнека испуганно смотрела на следователя. – Прошу вас, не рассказывайте старику о том, что случилось с Костиком. Это его убьет.

– Хорошо. Я дам свой телефон. – Следователь достал из кармана ручку и огляделся в поисках чего-то, на чем можно записать номер.

– Сергей Васильевич! – В комнату вошел человек. – Подпишите, пожалуйста.

Дуло развернулся и стал просматривать документы.

Дайнека взяла с письменного стола чистый лист бумаги и свернула его вчетверо.

– Вы еще здесь? – спросил следователь, закончив с документами.

– Номер телефона... – Дайнека протянула свернутый лист.

– Ах, да... – Он снова достал ручку. – Вот мой сотовый. Фамилия – Дуло. Если вдруг случайно встретите Константина Мачульского, позвоните. И не забудьте сказать, чем раньше он объявится, тем лучше для него.

Глава 6

Взлом

Взявшись за ручку, Дайнека почувствовала, что та легко отделилась от двери. Еще не осознав, что происходит, поднесла к глазам оторванную железку и, лишь переведя взгляд на раскуроченный косяк, поняла – дверь ее квартиры взломана.

Дайнека буквально ворвалась в прихожую. Однако, вспомнив, что пса Тишотку увезли на дачу, слегка успокоилась. Перед ней была все та же картина. Вывернутые ящики, разбросанные по полу вещи и документы, разложенные на столах.

«Еще немного, и я начну к этому привыкать».

Она прошлась по комнатам, а потом отправилась к соседям вызывать полицию.

После тщательного осмотра квартиры Дайнека наконец определилась: исчезли только золотые отцовские часы.

– Вы уверены? – Следователь окинул взглядом коллекцию часов. – Как они выглядели?

– На первый взгляд ничего особенного, черный кожаный ремешок, крупный циферблат. На ремешке тиснение: буквы «В» и «Д». Их подарили отцу на пятидесятилетие.

– Почему грабители взяли именно те, а не эти, например? – Следователь указал на первые попавшиеся.

Дайнека улыбнулась:

– Вероятно, потому, что в часах они разбираются лучше вас. Те были самыми дорогими, марки «Картье».

Увидев в прихожей ее шубку, участковый поинтересовался:

– Людмила Вячеславовна, вы сегодня были в ней?

– Нет.

Оперативники переглянулись.

– Ну и дела! – крикнул один из них. – Взломать такую дверь и при этом не взять норковую шубу, технику и кучу дорогих часов.

– Может, их кто-то спугнул? – предположил второй.

– Не думаю, времени здесь они провели немало. Искали что-то, я это сразу подметил.

– Искали? – Дайнека обвела взглядом комнату. – Но что они могли искать?

– Это вы у себя спросите, вам лучше знать... – глубокомысленно проронил участковый уже в дверях. – Мы свою работу сделали. Кстати, минут через десять придет слесарь из РЭУ и поставит новый замок. На первое время хватит, а завтра

укрепляйтесь по полной. Мало ли...

- Вы думаете, они вернутся? - спросила Дайнека.

- Я этого не говорил, - ответил полицейский.

Слесарь принес металлический сундучок и с ходу сообщил:

- Без сварки здесь не обойтись. - Прикрутив к двери здоровенную щеколду, пообещал вернуться на другой день и сделать все, как положено.

Дайнека заперлась на щеколду и, переступая через разбросанные вещи, прошла в свою спальню. Бумаги из бабушкиного архива равномерно устлали всю поверхность письменного стола. Она подняла с пола коричневый конверт и принялась складывать в него документы. Спустя несколько минут уже наверняка знала, что среди них нет розового конверта с именем Екатерины Эйнауди.

Дайнека опустила на стул и задумалась.

«Зачем грабителям понадобилось старое письмо? Неужели это именно то, что искали в бабушкином доме, а теперь - здесь? И не связано ли это с убийством в квартире Костика? Случайность?»

Она не верила в случайности. Схватив телефон, Дайнека достала из сумки вчетверо сложенный лист и набрала записанный на нем номер.

- Кто вы? - спросил следователь.

- Людмила Дайнека. Сегодня я приходила в квартиру на улице Галушкина. Вы сами просили меня позвонить...

- Неужто объявился?

- Кто? - В этот момент она действительно не понимала, о ком идет речь.

– Мачульский.

– Не совсем...

– Он появился, но как бы не полностью? – съехидничал следователь.

– Мою квартиру сегодня ограбили. Когда я вернулась домой, дверь была взломана. Как вы думаете, это никак не связано с убийством девушки?

– Не знаю, – Дуло помолчал. – А если связано, то вам сильно повезло.

Дайнеку прошиб холодный пот. Перед глазами с ужасающей отчетливостью проплыла скрюченную руку, которая ударилась о ее сумку. Будто предостерегая, она взывала: «Берегись! Тебя это тоже касается!» Воспоминание окончательно убедило ее в том, что в этой истории все не случайно.

– И все-таки мне придется связаться с его дедом, – сказал следователь.

– Он все равно ничего не знает. Подождите еще немного, может, Костик сам найдется. – Она нервно теребила в руках листок с телефоном Дуло: то разворачивала, то снова сворачивала, потом просто положила его на стол.

– На это я рассчитываю меньше всего. Скажите, мне показалось или вы хотите его отыскать?

– С чего вы взяли? – спросила Дайнека.

– Интуиция, – ответил Дуло.

Глава 7

Слишком много совпадений

Дайнека перебирала бумаги, раскладывала и передвигала их по столу. Письмо Екатерины Эйнаути среди документов по-прежнему не находилось. Зато отыскалась ксерокопия старинного документа, которой она не видела раньше. Ее поразила дата: пятое августа тысяча девятьсот первого года...

Текст был написан по-итальянски, от руки, очень разборчивым каллиграфическим почерком. Тем не менее перевод давался ей с большим трудом. Это была купчая, в которой оговаривались условия продажи палаццо по адресу Calle Corona 4464 в Венеции.

В конце стояли три имени. Первое – продавца, вторым подписался стряпчий Федерико Делле Пецце, третьим значилось имя покупателя, баронессы Екатерины Эйнаути.

Эта находка окончательно завела Дайнеку в тупик, объяснить ее появление не представлялось возможным. Ни ксерокопии, ни самой купчей до этого момента в архиве не было.

«Не принесли же ее с собой грабители для того, чтобы обменять на письмо?» Она усмехнулась.

Размышляя над тем, как сюда попала эта бумага, Дайнека случайно перевернула ее. На обороте был записан номер следователя Дуло...

Дайнека замерла от неожиданности. Она тут же попыталась мысленно воссоздать цепь событий.

«Следователь записал свой номер на листке, который я взяла со стола Костика. Я просто не посмотрела на его обратную сторону, и он показался мне чистым. Потом я принесла бумагу домой и после того, как позвонила следователю, положила ее на письменный стол. Затем нечаянно смешала с теми, что уже лежали там. Именно так – и никак иначе».

Подпись Екатерины Эйнаути означала лишь то, что она держит в руках копию документа, похищенного из архива ее бабушки. И похитил его не кто иной, как Костик Мачульский. Ведь именно в его квартире находилась эта ксерокопия.

«Зачем ему понадобилась эта совершенно бессмысленная бумага? Возможно, будучи юристом, смысленый Костик решил, что купчая чего-то стоит. Похитить ее он мог, только работая в нотариальной конторе своего деда. Не с этим ли документом связаны все напасти, свалившиеся на него и на мою несчастную голову?»

Она еще раз пробежала глазами текст. Ничего особенного. Один продает, другой покупает, а стряпчий заверяет заурядную сделку. Но почему Костик похитил именно этот документ? Она не находила объяснения такому странному поступку.

«Предположим, именно Костик убил девушку, а потом пришел сюда, чтобы забрать письмо баронессы. Но почему он не взял его раньше, ведь у него была такая возможность в конторе деда. И при чем здесь золотые часы?»

Противоречивые чувства бушевали в душе Дайнеки, хотелось изобличить вора, но она не имела права раскрыть правду никому, особенно пану Стани?славу. Она вполне допускала, что Костик украл купчую, но была совершенно уверена в его непричастности к убийству. Отсутствие альтернативного варианта сводило ее с ума.

Теперь ей надо было найти Костика и получить от него хотя бы какие-то объяснения. На sacramентальный вопрос «Что делать?» она ответила очень просто: «Как-нибудь разберусь. Тем более я сама пообещала пану Стани?славу разыскать его внука».

К слову сказать – Дайнека всегда выполняла свои обещания.

Глава 8

Расследование

В учебном отделе университета царил невысказанный хаос.

На полу маленькой комнаты дыбились развалы папок и кипы бумаг. Шкафы с незакрывающимися створками вмещали несметное количество документов. Сотрудники пребывали на бессрочном обеде.

Дождавшись возвращения отобедавших, Дайнека получила адрес общежития и номер комнаты, в которой проживал друг Константина Мачульского студент Василий Кориков. О нем ей рассказала девушка-секретарь.

Дверь долго не открывали, затем раздался мужской голос:

- Что надо?

- Василий Кориков, открывайте!

Усмотрев в ее категорическом требовании принадлежность к правоохранительным органам, хозяин голоса немедленно распахнул дверь.

Перед ней стоял коренастый, коротко стриженный парень в надетых наизнанку трусах.

- Я могу войти?

- Да...

- Вы знаете, где сейчас Константин Мачульский?

- Он... его пока нет. - Паренек все больше становился похожим на простоватого сельского жителя.

Краем глаза она заметила, как на одной из двух кроватей под одеялом кто-то пошевелился.

- Кто там у вас?

- Кать, покажись...

Из-под одеяла высунулась всклокоченная голова. Накрашенный глаз испуганно смотрел на Дайнеку.

- Вижу, не он. А жаль. Меня просили узнать, почему этот сукин сын не пишет и не звонит своему деду в Брянск.

- Тьфу ты, напугала меня! Я ж думал, ты из полиции, твою мать... Ко мне уже приходили. Передай деду - влип его Коська по-крупному!

- Станислав Казимирович в больнице, а родители - на курорте. Скажи честно, знаешь, где он?

Василий с тоской посмотрел в окно.

- Ну?

- Я не совсем уверен... Может, чаю выпьешь? У нас торт есть! - В надежде сменить тему он обернулся: - Кать, а Кать, порежь торт.

Из-под одеяла послышался голос:

- У меня голова боли-и-ит.

- А торт головой не режут, - огрызнулся Василий и вновь уставился в окно.

- Ты знаешь, где он? - настаивала Дайнека.

- В полиции уже спрашивали. Только понимаешь, если я скажу, меня могут обвинить в даче заведомо ложных показаний.

- Об этом не беспокойся - я могила.

- В самом конце сессии я слышал, как Коська звонил в турагентство.

- Ну - и?..

- Речь шла о поездке в Италию. Он выбирал отель.

- Ты запомнил его название?

- Да... - Василий Кориков закрыл глаза, как перед прыжком в воду. - «Тибериус». А город называется - Римини.

- Когда он собирался лететь?

- Вчера утром, когда все и случилось... В общем, когда Лидку убили. - Василий торопливо добавил: - Я уверен, что это не он! Чего ее ревновать? Она со всем курсом перетрахалась.

- Ты думаешь, Костик уехал в Италию?

Василий оглянулся на свою подружку и кивнул.

- Зачем поехал, надолго ли?

Он только покачал головой.

Дайнеке не оставалось ничего, кроме как «немедленно покинуть помещение».

Вернувшись домой, она сделала один очень важный звонок.

- Сережа, могу я тебя просить об одолжении? - начала она и, получив утвердительный ответ, предупредила: - Только ничего не рассказывай папе.

Сергей Вешкин был немного старше ее, однако уже занимал пост начальника отдела безопасности «Евросибирского холдинга», где отец Дайнеки работал финансовым директором. Выслушав просьбу, Сергей пообещал перезвонить.

Спустя несколько минут раздался звонок:

- Я договорился. Через полчаса жди меня во дворе.

Они подъехали к зданию Государственного архива. В вестибюле их ожидала невеста Сергея Вешкина – Тамара.

– Помоги. – Сергей чмокнул ее в щеку и на ходу бросил Дайнеке: – Желаю удачи.

– Подожди. Еще одна просьба. – Она протянула записку, полученную от соседки пана Станислава. – Пробей, пожалуйста, номера, узнай, чья машина и адрес хозяина.

– Зачем?

– Я в этой машине сумку забыла.

– Ладно, завтра все сделаю.

Уже через два часа, проведенные в удаленном закутке архива, Дайнека многое узнала о своем прапрадеде, архитекторе Бережном, о его жене и сыне, Николае Михайловиче.

Она выяснила, что Николай Бережной побывал в Венеции, в 1901 году вернулся в Москву, в дом, где жили его родители. И что одну из его картин купил знаменитый меценат Третьяков.

В декабре того же года Николай Бережной застрелился.

Дайнека ощутила болезненный укол. Казалось, что ей до того: все случилось слишком давно. И все же она сожалела о раннем уходе Николая Бережного.

Возможно, в ней проснулось то самое потаенное чувство, которое навсегда связывает людей одной крови.

Собственность – это свято

Маурицио Бартолли преподавал итальянский язык на курсе, где училась Дайнека. В университете все знали историю его любви. Влюбившись с первого взгляда в русскую, он, не задумываясь, покинул Италию и воссоединился с предметом своего обожания. Теперь вместе с женой Татьяной они были счастливыми родителями троих детей.

Маурицио был немногим старше Дайнеки, кроме того, среди студентов он слыл демократом. Все эти обстоятельства, а также то, что она имела пятерку по итальянскому, повлияло на их отношения, которые уверенно можно было назвать дружескими.

Дайнека и Маурицио сидели на откидных стульях в коридоре у дверей кафедры иностранных языков. Он вглядывался в развернутый лист.

– Невероятно! Похоже, это действительно купчая на дом в Венеции. Но как документ оказался у тебя?

– Он хранился в архиве моей бабушки.

– Послушай... – Мура (так его звала Дайнека) подозрительно долго изучал документ. – Ничего не понимаю. Ты сказала, что купчая хранилась у твоей бабушки. Получается, что эту ксерокопию сделали сто лет назад?

Дайнека не торопилась с ответом.

– Если не хочешь, не рассказывай, – разочарованно отступился он.

– Документ был похищен до того, как архив попал ко мне. Потом случайно... я нашла этот листок.

– Но кто же его похитил?

– Внук нотариуса, Костик Мачульский. Он тоже юрист, именно в его доме я обнаружила ксерокопию купчей.

- Почему ты не потребуешь, чтобы он вернул подлинник?

- Костик сбежал в Италию.

- Может быть, просто в отпуск?

- Нет, здесь дело посерьезней.

- Ты сообщила об этом в полицию?

- Но что я могу там сказать? Что существовал некий документ, которого я и в глаза-то не видела? К тому же Костика обвиняют в убийстве его подруги. - Дайнека задумалась. - Для чего ему эта купчая?..

- Для того, чтобы стать хозяином палаццо, - сказал Мура. - Неужели как юрист он не понимает, что нет никаких шансов получить наследство. Он не является членом семьи Эйнауди. - Маурицио изумленно уставился на бумагу. - Посмотри, контора поверенного располагалась в том же доме, на Калле Корона 4464!

Она с сомнением взглянула на сероватый лист.

- Как думаешь, купчая потеряла свою силу? Срок действия и все такое...

- О чем ты говоришь?! - воскликнул итальянец. - Это же La Proprieta Privata! Частная собственность! - И, утерев пот со лба, трагически прошептал: - У таких документов не существует срока давности. Это свято!

- Мура, мне нужно срочно ехать в Италию.

- Для чего?

- Я должна отыскать Костика. Ему необходимо вернуться в Россию как можно скорее, пока он не наделал глупостей. Заодно заберу у него подлинник купчей и верну ее кому-нибудь из потомков Екатерины Эйнауди.

– Le buone azioni non vanno mai perdute[1 - Добрые дела никогда не пропадают даром (итал.)]. Я помогу тебе. – Маурицио достал записную книжку, что-то написал, вырвал листок и отдал его Дайнеке. – Срочно вези документы. Здесь все, что требуется для поездки. Завтра же схожу в итальянское посольство и сделаю визу. И учти. – Он внимательно посмотрел ей в глаза. – Официальная цель твоей поездки – изучение итальянского языка во время каникул. Я знаю одну школу в Венеции, сегодня через деканат забронирую для тебя место. Теперь насчет этой купчей. Советую сходить в одно учреждение. Там ты получишь ис-чер-пы-ва-ющу-ю кон-суль-та-ци-ю!

Мура расплылся в довольной улыбке. Он обожал мудреные русские слова и получал огромное удовольствие, когда выговаривал их без единой ошибки.

Глава 10

Исчерпывающая консультация

Не сомневаясь, что это именно тот дом на Садово-Спасской, Дайнека вдавила кнопку звонка, расположенную рядом со входом в подъезд. Из динамика раздался голос охранника:

– Слушаю...

– Мне нужно войти. Агентство «Каза Италия».

Раздался механический щелчок, дверь приоткрылась.

– Проходите, второй этаж.

Облицованные «камнем» стены, обычные лестничные марши. У входа на этаж сидел охранник.

– По какому вопросу? – Он посмотрел на нее скорее нейтрально, чем дружелюбно.

– По вопросу... – Дайнека не могла подобрать подходящего слова. – В общем – консультация.

– Проходите, в холле на ресепшене вас направят.

Щелчок – и дверь распахнулась. Войдя в нее, Дайнека удивилась четкости, лаконичности и отлаженности процесса. Еще больше она удивилась, когда, подойдя к стойке, услышала от красивой длинноволосой девушки:

– Здравствуйте. – Последовала милая улыбка. – Консультация какого рода вам нужна?

«Уже все знает», – восхитилась Дайнека, а вслух произнесла первое, что пришло на ум:

– Юридическая.

– Вторая дверь направо.

Дайнека пошла к двери, на которую указала девушка. Она распахнулась, перед Дайнекой стоял улыбающийся мужчина, лысоватый, крепкий и невысокий. Гостеприимным жестом он пригласил ее войти.

– Здравствуйте, – сказала она. – Мне нужно посоветоваться, вернее, чтобы вы мне посоветовали... – И, совсем запутавшись, выпалила: – В общем, мне нужно знать, что вы скажете по поводу одного документа!

– Слушаю вас, рассказывайте... – Мужчина посмотрел ей в глаза и предложил сесть.

Они сели.

Дайнека открыла сумочку, достала ксерокопию купчей и положила на стол. Юрист развернул бумагу и прочитал ее. Потом поднял глаза:

– Откуда это у вас?

- Я бы не хотела говорить. Долго объяснять. Скажите только...

- Понимаю... - нетерпеливо прервал ее мужчина, постукивая пальцами по столешнице. - Вы хотите знать, сможете ли вступить в права собственности?

- Нет. - Дайнека смотрела в его глаза, слегка затемненные стеклами очков. - Нет. Я только хочу выяснить, не утратил ли этот документ своей силы.

- Ах, вот как! - Мужчина откинулся на спинку кресла. Сделав паузу, он вглядывался в Дайнеку, слегка прищурившись, и всем своим видом вопрошал: «Что ты за птица?»

Дайнеке не понравилось это откровенное разглядывание, и она с вызовом спросила:

- Вы можете ответить на мой вопрос?

На смену любопытству пришло удивление, мужчина отвел глаза и, минуту помолчав, спросил:

- Насколько я понимаю, вы унаследовали этот документ?

- Да.

- Должен вас огорчить - это всего лишь копия.

- Я знаю.

- Нет-нет... Вы не поняли меня. Ксерокопия сделана не с подлинной купчей, а уже с ее копии.

- С чего вы это взяли? - растерялась Дайнека.

- А вот, взгляните-ка сюда... - Юрист достал из ящика стола лупу и приблизил ее к бумаге. - Здесь, в углу листа, едва заметные буквы, это факсимильное тиснение.

- В... а... р... гу... - медленно прочитала Дайнека, склонившись над документом.

- Мне встречалась подобная марка бумаги, ее часто использовали юристы дореволюционной России. «Невская фабрика братьев Варгушиных».

- Что это значит?

- Минуточку, я еще не договорил... - Он указал на другой край ксерокопии. - А вот здесь - уголок штампа, какие обычно использовали присяжные поверенные. Российские присяжные поверенные, - со значением уточнил юрист. - И, наконец, почти незаметные цифры. Это дата снятия копии. Видите? Третье февраля тысяча девятьсот семнадцатого года. Как раз перед самой революцией. Думаю, именно это досадное недоразумение, я имею в виду революцию, помешало вашим предкам своевременно вступить в права собственности.

- Вы хотите сказать...

- ...что ксерокопия снята не с подлинника, а с копии купчей, которая выполнена в России в тысяча девятьсот семнадцатом году на бумаге, произведенной «Невской фабрикой братьев Варгушиных». Вот что я хочу сказать. И ничего больше.

- Значит...

- ...а это значит... - юрист снова перебил ее, - что копия, которую вы унаследовали, не имеет никакой юридической силы. У вас нет никаких шансов. По чести сказать, я весьма скептически отношусь к подобного рода документам. Все это - дела давно минувших дней. Боюсь, ничем не смогу вам помочь. Сожалею...

Когда Дайнека оказалась на улице и услышала за спиной щелчок закрывающегося замка, она испытала странное облегчение.

В машине по дороге домой постаралась собрать воедино все, что произошло после смерти бабушки. В действительности дело не стоило и выеденного яйца. Немного приобрел Костик Мачульский, стащив документ.

От раздумий ее отвлек телефонный звонок.

- Дайнека!

Она узнала голос Вешкина.

- Номера пробил? Подожди, найду на чем записать...

- Машина числится в угоне, так что тю-тю твоя сумочка. Но звоню не за тем. Тамара что-то в архиве раскопала.

- Уже поздно...

- Она ждет тебя в вестибюле. Говорит - настоящая бомба!

Глава 11

Простите, что я сгубил вас

Освещение главного вестибюля было притушено, большинство сотрудников архива уже разошлись по домам. Тамара сидела на стуле рядом с вахтером. Увидев Дайнеку, подбежала и схватила ее за руку.

- Пойдем! Я тебе такое покажу... - Она обернулась к охраннику: - Петрович, мы ненадолго.

- Да по мне хоть до утра, - ответил тот.

Когда они поднялись наверх в уже знакомую темную комнату, Тамара куда-то вышла, а затем вернулась. В ее руках была синяя папка с веревочными завязками.

- Что это? - спросила Дайнека.

– Дело о самоубийстве Николая Михайловича Бережного. Я нашла его в архиве Главного жандармского управления. Там есть интересные документы, например протокол осмотра квартиры, рапорт следователя сыскного отделения и заключение судебной лаборатории.

Она положила папку на стол. Некогда белый лист, наклеенный на картон, был пропечатан черным словом «Дело». Ниже выцветшими чернилами выведено имя Николая Бережного.

Тамара вышла из комнаты и прикрыла за собой дверь. Дайнека даже не заметила ее исчезновения. Она открыла папку...

Из первых страниц дела явствовало, что жандармским управлением было проведено дознание по обнаружению следов преступления.

Дайнека переворачивала листы с отчетами и протоколами. Некоторые документы лишь просматривала, другие тщательно перечитывала.

В протоколе осмотра квартиры нашла упоминание о том самом рояле «Блютнер», от которого остался один сертификат. На нем «при осмотре помещения были обнаружены следы оттисков кожных линий пальцев». Здесь же – фотография судебно-фотографической лаборатории. Снимок оказался удивительно хорошего качества: черный бок рояля с отпечатками пальцев и ладони... Дайнека разволновалась так, что невольно прослезилась. Перенесшись на сто лет назад, она очутилась в доме своих предков.

В верхнем правом углу фотографии виднелся край белой салфетки с цветочным орнаментом. Приглядевшись, она различила рисунок – розы.

На салфетке в рамке стоял портрет темноволосой женщины в меховой горжетке.

Вслед за тем ей попался рапорт на имя начальника сыскного отделения. В нем следователь по фамилии Жулебин писал:

В ходе дознания и в результате осмотра дома художника Бережного вскрылся целый роман, который в существенных чертах заключается в следующем. Будучи пансионером Петербургской Императорской Академии художеств, в 1898

году Николай Бережной отправился сначала в Вену, потом в Париж, Флоренцию и, наконец, в Венецию, где прожил около двух лет. С самого приезда своего в Венецию он сошелся близко с баронессой фон Эйнауди, Екатериной Алексеевной, женой венецианского аристократа, героя Итало-Абиссинской войны, отличившегося в битве при Адуа.

Несмотря на свою молодость, Николаю Бережному удалось завладеть если не сердцем, то, по крайней мере, интимным вниманием баронессы. Когда началось их сближение, неизвестно. В его архиве было найдено письмо, помеченное ноябрем 1901 года, от некой Натальи Петровны Мещерской, в котором она обвиняет Бережного в том, что он погубил Екатерину Алексеевну. Она прямо указывает на баронессу как на женщину, «игравшую цветами супружеской неверности, заставившую недоверчиво глядеть на всю прекрасную половину рода человеческого». «Вы убили душу Екатерины Алексеевны, – пишет Мещерская, – растерзали сердце, помрачили ее мозг – и все-таки вам мало: нужно еще и телу вред причинить!» Кроме страстных словесных обвинений, в том же письме Мещерская сообщает, что баронесса больна.

Родственники погибшего утверждают, что по получении этого письма Бережной был занят одной только мыслью, даже художества не шли на ум.

Свидетели рекомендовали погибшего как человека вспыльчивого, с неустойчивой психикой и способного на крайности.

Принимая во внимание тщательное медицинское освидетельствование тела Николая Бережного, вынесено решение о том, что это самоубийство, и дело следует закрыть в законном порядке.

Вместе с тем стоит отметить, что в показаниях дворника Феофанова фигурировал некий таинственный человек, одетый «по последней европейской моде», который побывал в доме Бережного незадолго до его самоубийства. Подтверждения тому не найдено, личность вышеупомянутого не установлена.

К сему прилагается предсмертная записка, адресованная баронессе Эйнауди.

Дайнека перелистнула рапорт.

Вот что написал Николай Бережной перед смертью:

1901 г. Декабря 19. Москва.

Ежели бы я не написал Вам, то, верно, сошел бы с ума. Стыжусь и каюсь только в одном, что уехал, не простившись и не повидавшись с вами. Повторяю и сейчас – я буду любить Вас вечно.

Никогда еще со мною не случилось такого, как в тот вечер, когда мы объяснились – Вы возражали, а я раздражался. Простите меня! Вспылив, я, кажется, поступил очень дурно.

Как Вы не можете понять простой вещи, что для любви не надобны ни логика, ни правда, а надобно просто любить...

Мне хотелось умереть, когда Вы прогнали меня прочь, хочется умереть и теперь. Надежды на счастье рухнули, не нужно мне жизни ни счастливой, ни несчастной.

Простите, что я сгубил Вас.

Я показался Вам не тем человеком.

А какой я на самом деле, это знаю только я и Бог.

Прощайте. Н. Бережной

Дайнека закрыла папку и вдруг заплакала.

Глава 12

Второе письмо

Автомобиль бесцельно колесил по темным московским улицам. Дайнека не спешила ехать домой.

Теперь она знала – история Николая Бережного и баронессы фон Эйнауди – это драма большой любви. И было грустно оттого, какую трагическую развязку она имела.

Одно непонятно: при чем здесь купчая и как она попала в Россию?

Так или иначе, Костику наверняка стало известно, что это только копия. Возможно, о существовании документа узнал еще кто-то, и этот человек мог ошибаться или не знать, что в руках Костика вовсе не оригинал.

«Так можно додуматься до чего угодно», – остановила себя Дайнека. Однако мысли о купчей не оставляли ее...

Если есть копия документа, то где-то существует оригинал. В семнадцатом году он находился в семейном архиве Бережных, но куда делся потом? Дайнека вспомнила слова пана Станислава:

«Это не весь архив. Часть его была утеряна еще во время эвакуации, по-видимому, осталась в брошенном доме».

Дайнека свернула на незнакомую улочку. Она не знала, где находится, но продолжала ехать дальше: хотелось во всем разобраться, отследить цепочку событий.

Итак, после революции купчая хранилась в семейном архиве. Потом была война. Тогда, в сорок первом, в эшелон разрешалось взять только предметы первой необходимости, одежду и постель. Все, что можно было связать в узлы. Именно так рассказывала бабушка об эвакуации.

Дайнека вдруг представила все так ясно, будто видела: маленькая Лиза идет вслед за матерью на чердак. Та что-то прячет в тайник, а когда уходит, девочка кладет туда же свою куклу.

Легко предположить, что куклу не посчитали предметом первой необходимости. Но что прятала ее мать? Напрашивался единственный ответ – память, ту часть архива, которая не могла пригодиться в эвакуации и касалась только одного человека, которого к тому времени не было в живых. Теперь Дайнека была уверена, бумаги Николая Бережного хранились в тайнике на чердаке бабушкиного дома.

И в тот момент, когда она вплотную приблизилась к разгадке, у нее зазвонил телефон. Она неохотно оторвалась от своих мыслей.

– Слушаю, папа.

– Здравствуй, доченька. Свяжись с паном Стани?славом и узнай, не оставил ли я в доме кожаную папку, в ней была моя записная книжка. Я без нее как без рук.

– Его еще не выписали из больницы.

– Тогда поговори с сыном.

– Он в отъезде.

– Какая досада... Ладно, приеду – сам разберусь.

– Когда ты возвращаешься в Москву? – осторожно поинтересовалась Дайнека.

– Через две недели, не раньше. Здесь, в Нижневартовске, сильные морозы. Как там у вас?

– Почти весна...

– Не вздумай одна ехать в Брянск, – сказал отец перед тем, как положить трубку.

Он слишком хорошо знал свою дочь, ведь именно так она и собиралась поступить.

Дорога до Брянска заняла без малого пять часов.

Сначала Дайнека заехала в больницу к старику Мачульскому, там ей категорически отказали в посещении, ссылаясь на то, что она не является близкой родственницей, а лишнее беспокойство больному ни к чему.

С этим трудно было не согласиться. К тому же полученный отказ избавлял ее от необходимости рассказывать старику, что случилось с его внуком.

Из больницы она сразу направилась на улицу Куйбышевскую.

В доме было пусто и холодно. Дайнека не стала проходить дальше кухни. Оставив сумку на подоконнике, поднялась наверх.

В прошлый раз она не разглядела, как сильно захламлен чердак. Хлам имел более позднее, послевоенное происхождение. Здесь хранились коробки из-под телевизоров, колченогие журнальные столики, несметное количество журналов «Наука и жизнь», дырявые ведра и корзины с оторванными ручками.

Теперь ей предстояло найти тайник. Она попыталась представить, какое место выбрала бы сама. Заглянув во все мало-мальски заметные щели перекрытий, она переключила свое внимание на дощатый бордюр, опоясывающий чердак по периметру. Вероятно, это сооружение являлось конструктивной деталью, предназначенной для крепления кровли.

Метр за метром Дайнека продвигалась вдоль невысокого бордюра, ощупывая каждую доску. Состарившаяся темная древесина была сухой и совершенно не подвергалась гниению. Благоприятный температурный режим и хорошая вентиляция сыграли решающую роль в деле ее сохранности.

Иногда ей чудилось, что за досками что-то есть, но всякий раз это оказывалось куском старой газеты или засохшим кленовым листом.

Спустя полтора часа, завершив обследование, Дайнека вернулась на то место, с которого начала. Присев на шероховатый бордюр, она еще раз осмотрела чердак и вдруг обратила внимание на то, что бордюр повсюду примыкает к кровле, не имея горизонтальной поверхности.

«Тогда на чем сижу я?» – спросила она себя и немедленно вскочила на ноги.

У торцевой стены чердака на протяжении двух метров бордюр был другой формы, а именно: имел горизонтальную поверхность из широких досок. Взявшись за ту, на которой только что сидела, Дайнека потянула ее и с легкостью вынула из пазов.

Она обнаружила незаполненное пространство и, ощупав его изнутри, достала небольшой предмет, завернутый в кусок полотна.

Следующим ее трофеем стала старинная жестяная коробка.

Присев на корточки, Дайнека развернула полотно и увидела потемневшую от времени куклу. Ее тряпичное тельце изрядно подгнило. Торчащие сквозь разошедшиеся швы клоки серой ваты взывали к жалости, а потрескавшееся лицо куклы было по-человечески печальным. Дайнека прижала ее к груди. На глаза навернулись слезы. Ей вспомнилась бабушка, которая так и не успела увидеть свое сокровище.

«Если бы я приехала к ней раньше, как обещала, то успела бы достать куклу...»

Когда Дайнека справилась с эмоциями, она бережно завернула находку и взялась за жестяную коробку. За семьдесят лет пребывания на чердаке та неплохо сохранилась. Перламутровая с желтизной краска потрескалась только на закругленных углах.

Дайнека открыла коробку. Внутри увидела пачку бумаг, любовно перевязанную голубой атласной лентой. По всему было видно, что это очень старые письма. Только так и могла выглядеть сокровенная переписка двоих, хранительница большой любви.

Не сразу решившись заглянуть в чужую тайну, она долго сидела на корточках. Потом, убедив себя, что имеет на это право, тихонько потянула за край выцветшей голубой ленты...

Догадка полностью подтвердилась. Эта часть архива действительно принадлежала Николаю Бережному.

Разложенные бумаги притягивали и завораживали, подчиняя себе ее мысли.

Сверху лежал розовый почтовый конверт, похожий на тот, который она уже держала в руках. Отправительницей значилась все та же баронесса Екатерина фон Эйнауди.

Среди писем попадались бумаги, которые ни о чем ей не говорили. Какие-то финансовые документы, написанные от руки. В них повсюду мелькала буква «ять».

Наконец Дайнека увидела плотный лист дорогой бумаги, шелковистой и переливчатой, с золотым тиснением букв. В верхней части был расположен двухглавый российский герб, далее – огромными буквами выдавлено слово «ДИПЛОМЪ».

Из текста следовало, что диплом вручался студенту Петербургской Императорской Академии художеств – Николаю Михайловичу Бережному, вместе с малой золотой медалью за картину «Венецианские видения».

Дайнека взяла в руки розовый конверт и, когда вынимала два сложенных листа бумаги, почувствовала, что там лежит еще что-то. В коробку упал золотой медальон. Тонкая цепочка извилистой змейкой заструилась вслед за ним. Несмотря на внушительный размер, украшение оказалось неожиданно легким. Она нажала на рычажок, и медальон распахнулся, открыв взгляду миниатюрный портрет темноволосой женщины. На внутренней стороне крышечки узорчатой вязью была выгравирована монограмма латинскими буквами – «ЕЕ».

– Екатерина Эйнауди... – прошептала Дайнека, вглядываясь в портрет красавицы.

Вьющиеся, зачесанные назад волосы, грустный взгляд карих глаз.

Несомненно, это была она. Дайнека закрыла медальон и повесила его на шею. Потом развернула письмо.

1901 г. Ноября, 12. Венеция.

Милый Николай Михайлович, чувствую необходимость написать Вам хоть словечко.

Вы, верно, упрекаете меня в жестокости и холодности к Вам. Теперь, когда Вы так далеко и я не опасаясь Вам навредить своею любовью, мне просто и легко сказать, что я по-прежнему Вас люблю.

Нынче я знаю, что анализировать этого нельзя, потому как невозможно разорвать фантастическую преграду, существующую между нами. Все возможные причины нашего воссоединения проходят перед моим мысленным взором, и ни одна не находит пощады перед ним. Препятствие непреодолимо, мое положение не дает оснований для этого союза.

В последнее время думая о своем чувстве, я стыжусь того, что Вы моложе на десять лет. Дай Бог, чтобы в Вас было то же самое чувство.

Вы спросите меня, отчего я отослала Вас прочь? Извольте: из опасения, что Вашей жизни грозит опасность.

С недавнего времени в нашем доме появился весьма неприятный господин. В Венеции он известен как авантюрист, человек опасный и с покладистой совестью. Однако и это не все из его «добродетелей».

Случайно подслушанный разговор мужа с ним дал мне уверенность в том, что на Вашу жизнь готовилось покушение. Именно поэтому я сделала все, чтобы спасти ее.

Нынче я очень слаба. Не могу не сообщить, что прошлым месяцем разрешилась сыном, которого назвала Николаем. Как Вы можете догадаться – он Ваш. Из опасения за его жизнь мужу сказали, что ребенок умер при родах. Верная мне женщина передала малютку в приют Святого Николая, что на юге Италии в городе Бари. Ах, если бы Вы знали, как я страдаю в разлуке с ним! Возможно, я больше не увижу его никогда...

Для меня так естественно помнить о Вас только хорошее, что я совершенно уверена: если со мной что-то случится, Вы сумеете позаботиться о нашем сыне.

На прошлой неделе была в Вашем доме. В комнате все стоят Ваши картины. Видела свой портрет. Вы, верно, писали его по памяти, так отчего же не показали мне раньше?

Признаюсь, что выше моих сил было видеть, что в этом доме живут люди чужие. Оттого я купила его. Надеюсь, что когда-нибудь там станут жить два самых дорогих для меня существа – Вы и наш сын Николай. Купчую высылаю Вам, Николай Михайлович. К письму прилагаю медальон, Вы все о нем знаете...

Душа моя плачет и рвется туда, где Вы. Мне невыносимо думать, что Вы уехали не простившись.

Бог Вам судья.

Прощайте, Ваша Екатерина Э.

Дайнека поднялась с коленей. Она пыталась осмыслить то, что сейчас узнала.

Первое – у Николая Бережного и баронессы Эйнауди был сын. А это значит, что в Италии живут его потомки.

Второе – по предположению Екатерины Алексеевны, барон Эйнауди замышлял убить Николая Бережного. И счастливо избежав смерти в Венеции, тот сам приговорил себя к ней в Москве.

В коробке оставался еще один конверт. Пробежав глазами адрес и фамилию отправителя, Дайнека поспешила достать небольшой листок, на котором было всего несколько строк:

Сударь, хотя Вы и не заслуживаете того, но вот Вам вся правда – сообщаю, что баронесса Екатерина Алексеевна умерла и похоронена на кладбище Святого Михаила Архангела.

Наталья Петровна Мещерская

Еще не осознанная догадка заставила Дайнеку тщательно осмотреть оба конверта. Согласно почтовым отметкам, оба письма пришли почти одновременно, но уже после гибели Николая Бережного. А это значит...

«А это значит, что он так и не узнал о рождении сына и смерти любимой женщины».

Дайнека не могла совладать со своими чувствами, она готова была зарыдать, как вдруг вспомнила о бумаге, которую нашла в конверте вместе с письмом баронессы.

«Купчую высылаю Вам...» – писала она.

Даже не развернув второй лист, Дайнека знала, что это оригинал купчей. И это действительно был он.

Несмотря на потрясение, которое Дайнека испытала, обнаружив тайник, что-то определенно мешало ей. Прислушиваясь к себе, она пыталась понять, что здесь не так. Несмотря на отсутствие видимых причин, она вдруг почувствовала, что сейчас ею запущен страшный механизм, который невозможно контролировать.

Не отдавая себе отчета, она подошла к чердачному окну и увидела, как к дому подъезжает автомобиль «БМВ». Из него вышел мужчина и направился к крыльцу. Схватив коробку и куклу, Дайнека стремглав кинулась вниз.

В замочной скважине заскрежетал ключ...

У нее хватило времени только на то, чтобы забрать сумку и, распахнув окно, выскочить во внутренний двор. Там она перелезла через забор и бросилась к своей машине, которую, слава богу, оставила немного поодаль. Распахнув дверцу, села и резко повернула ключ.

Отъезжая, чуть не сбила выбежавшего из дома мужчину в круглых очках, который походил на сжатую пружину: собранный и готовый к действию. Было очевидно, этот день ничем хорошим для нее не закончится. И уже сегодня ее ждут крупные неприятности.

Увидав, как мужчина побежал к «БМВ», Дайнека поняла, что предстоит уходить от погони и ей бы очень пригодился вертолет.

Глава 13

За знакомство

В салоне автомобиля сидели двое. За рулем – Лысый Леннон, рядом – в расслабленной позе – мужчина лет тридцати. Он молчал и этим особенно действовал Леннону на нервы.

– Я вот о чем думаю... – Леннон заговорил первым.

– Ну?

– Как вы там, на зоне, без баб обходились? Скажи, Серега...

– Да пошел ты!

Серега обиженно отвернулся, его неожиданно разозлил этот житейский вопрос.

Не сдержавшись, Леннон захохотал:

– Вернемся в Москву, я тебя в такой бордельеро пристрою...

– Да пошел ты! – повторил Серега.

– Короче, давай поговорим, а то засну, и будут нас с тобой потом, как кильку бланшированную, из машины выковыривать.

– Меня уже тошнит от этих поездок.

Лысый Леннон снял очки и обеими ладонями потер глаза:

– Не вопрос. Ты только скажи, я тебе другую командировку выпишу. – В его словах послышалась откровенная угроза.

Сергея не знал, что для него страшнее: дожидаться обещанной «командировки» или видеть, как неуправляемая машина несется по встречной полосе со скоростью сто двадцать километров в час.

Наконец Лысый Леннон опустил руки на руль.

– Черт, неужели не догоним девчонку? Как объяснить Наде... – Он устало заворочался в кресле.

– Не понимаю, чего ты перед этой мартышкой на цырлах упражняешься, впарил бы ей в лобешник...

– Заткнись.

– ...строит из себя...

– За-а-аткнись, – Леннон заговорил подозрительно низким голосом.

– ...кошка драная. Задница – с кулачок. Тьфу! Смотреть не на что: высирок куриный. Х-х-х-ы-ы-ы...

– Еще раз тьякнешь, убью.

Сергея затих, не зная, чего можно ожидать от этого лысого, в круглых, как у Леннона, очках человека. Припав к боковому стеклу, он без интереса смотрел на мелькавшие в темноте дома.

Внезапно машина резко вильнула вправо и остановилась у придорожного ресторана под названием «Посидим».

– Посидим? – Лысый Леннон первым вышел из автомобиля.

Сергея угрюмо проследовал за ним. Позади сработал центральный замок и хрюкнула система сигнализации.

Когда поднялись на крыльцо и открыли входную дверь, в лицо пахнуло прокисшей едой и табачным дымом. В заведении было жарко. Под самым потолком вращались турецкие вентиляторы. Из динамика лилась музыка. За столами – не больше десятка посетителей.

Они выбрали огороженный диванами стол у окна, чтобы видеть оставленную во дворе машину.

– Поесть? – осведомился подошедший официант с блокнотом.

– Да, – сказал Леннон, усаживаясь за стол.

– А выпить? – весело подмигнул официант.

– За рулем не пью. Меню подай.

– Да я вам и так скажу. Бефстроганов, фирменные котлеты «Посидим» и картофель фри.

– Это все? – спросил Лысый Леннон.

– Все.

– Тогда принеси два бефстроганова с картошкой и кофе сварь.

– Не варим-с, «Нескафе» у нас.

– Тогда чай.

Официант сделал записи и, склонившись, на всякий случай переспросил:

– Может, все-таки водочки?

– Нет.

– Уверены?

– Тебе что, письменно подтвердить? Мое пердило подтвердило! – неожиданно взорвался Серега.

В этот момент над буфетом с железным скрипом повернулся зеркальный шар. Направленный на него луч прожектора рассыпался многочисленными искрами. Погас верхний свет, музыка зазвучала громче. В дальнем углу зала появились танцующие парочки.

Официант принес тарелки. Увидев скрюченные ломти картофеля, Лысый Леннон поморщился.

– Из микроволновки?

– А вы думали, за тридцатку для вас шеф-повара из Парижа выпишут?

– Убери. Принеси чай и какие-нибудь булки.

– А за это кто будет платить? – Официант оглянулся и, отыскав глазами здоровенного верзилу, подал ему условный знак.

– Мы заплатим, заплатим, браток, принеси чай и ни о чем не волнуйся, – сказал Серега. Голос его при этом был неестественно миролюбивым.

– Принеси... унеси... – пробурчал официант и с грохотом собрал столовые приборы. – Сами не знают, чего хотят.

Он прихватил тарелки и снова кивнул вышибале. Тот расслабился, уселся на табурет, открыл бутылочку с пивом.

Холодный чай принесла официантка. Лысый Леннон сделал предупреждающий жест рукой.

– Счет принеси.

– И позови того, что подходил первым, – попросил Серега.

– Кирилла Осипыча?

– Кирилла Осипыча. Позови.

Через минуту к ним подошел недовольный официант.

– Хорошо тут у вас, – сказал Серега. – Присаживайся, друг, а девчонке скажи, чтобы водочки принесла. Или нет, лучше коньяку, и подороже.

Кирилл Осипович присел на край дивана:

– Ваш счет...

– Сколько там? Двести пятьдесят? Возьми пятьсот, дорогой. – Серега протянул деньги.

– Спасибо... – Кирилл Осипыч удовлетворенно пискнул. – Значит, коньячку... две бутылочки?

– Неси три.

– Я мигом.

– Ты что задумал? – спросил Лысый Леннон, когда официант ускакал в подсобку.

– Подожди...

Серега внимательно осмотрел зал, отыскивая взглядом охранника. Тот, поднявшись со стула, подался на кухню.

– Вот... – Возвратившись, Кирилл Осипович проворно выставил бутылки на стол.

– Садись. – Серега похлопал рукой по искусственной коже дивана. – Да нет, не на край, сюда иди, в уголок.

Официант сновисто пробрался в угол. Прежде чем сесть, он открыл коньяк и разлил его по рюмкам.

– За знакомство?

– За знакомство...

Серега неожиданно обнял Кирилла Осиповича и ударил кулаком под дых. Тот резко дернулся, обмяк и откинулся на спинку дивана.

– Пойдем. – Серега встал и, прихватив со стола бутылку, сунул ее в карман.

Они вышли из заведения, сели в машину, поехали. Серега закинул назад голову и громко загоготал.

– Дурак чертов. – Леннон прибавил скорости.

– Смотри! – заорал вдруг Серега. – Это же ее машина! Гони!

Глава 14

За мной гонятся

Дайнека смотрела в зеркало заднего вида. На светофоре ее снова догнал черный «БМВ». Стало ясно, все не так плохо, как она думала.

Все гораздо хуже...

В первый раз от преследователей ей удалось оторваться еще в Брянске. Но уже на въезде в Москву Дайнека снова увидела знакомый автомобиль.

Она кружила по городу и не могла придумать, что делать дальше.

- Что делать... что делать?

Схватив телефон, набрала номер.

- Мура!

- Что случилось? - Он еще не понял, насколько плохи ее дела.

- Мура, за мной гонятся. Я нашла купчую...

- Я так и знал, - сказал он тоном трагического актера. - Порка миа... Кто, кроме тебя, знает о существовании этой бумаги?

- Мура, - Дайнека говорила глухим, хриплым голосом, - за мной гонятся.

- Понял, - сказал он. - Немедленно приезжай в университет, у меня сегодня занятия с вечерниками. Буду ждать тебя у главного входа сразу за дверью. Как только войдешь, отдаешь мне купчую и идешь дальше. Пройдись и возвращайся в машину, потом гони домой. Скорее всего, они попытаются обыскать тебя. По крайней мере не найдут документ, а там будет видно.

- У меня тут целая коробка...

- Тогда вези все!

- А если ты... если с тобой... - заволновалась Дайнека.

- Не успеют! - Мура усмехнулся. - Я поеду на почту и отправлю купчую заказным письмом в центральное почтовое отделение Венеции. На твоё имя. Там и получишь его послезавтра. С карабинерами!

- Господи! - вырвалось у нее. - Какой ты молодец! Еду!

- Больше не звони со своего телефона, и я тебе не буду. Все поняла?

- Да!

Потом она позвонила отцу и, отделавшись общими фразами, пообещала перезвонить, но уже из Италии.

Дайнека вдавила педаль в пол, посмотрела в зеркало на преследователей. Казалось, ей никуда от них не уйти. На сиденье рядом с водителем темнел еще один мужской силуэт.

Она свернула в проезд, который вел к университету, и остановилась у крыльца.

Хлопнув дверцей, Дайнека запрыгала по ступеням и, не оглядываясь, залетела в вестибюль. Правая рука нащупала нужную бумагу в сумке и, как только она увидела Маурицио, немедленно передала ему купчую и коробку.

Спустя мгновение его уже не было поблизости, а Дайнека неспешным шагом проследовала дальше по коридору. Скорее почувствовала, чем увидела боковым зрением, как в вестибюль заскочил лысый человек в очках.

Мотаясь по пустынному зданию, она ловила взглядом сияние глянцевой лысины своего преследователя. А когда вышла на улицу, дверца автомобиля оказалась незапертой, хотя Дайнека твердо помнила, что нажимала кнопку центрального замка. В машине наткнулась на явные следы обыска...

Зная, что ее непременно перехватят и обыщут, она решила, что пусть это будет не дома. Где угодно, только не там. А значит, нужно предоставить им такую возможность. Она свернула на стоянку и уже через минуту «легкомысленно» шагала по своей улице.

Дайнека шлепала по снежной жиже, вдыхая будоражащий, почти весенний воздух, зная, что будет дальше.

Все случилось обыденно и по-деловому. Рядом с ней остановилась машина, из нее вышли двое мужчин. Дайнеку взяли под руки и прижали к стене дома прямо на глазах у прохожих, которые не особенно интересовались тем, что происходит. Один из преследователей, лысый в круглых очках, снял с ее плеча сумку и, присев, вытряхнул содержимое на тротуар, выбрав место посуше.

Второй обыскивал девушку. Она почувствовала, как мужские руки, расстегнув куртку, ощупали грудь и спину, потом скользнули вниз. Ловко, ударом ботинка, он заставил ее шире раздвинуть ноги и равнодушно проверил пах.

Босая и без шапки, она все так же стояла у стены, а бандиты, обыскав ее дважды, решали, что делать дальше.

Вглядываясь в их лица, Дайнека тупо отметила, что у лысого лицо палача, другой похож на убийцу.

«Теплая компания», – ирония и сейчас не оставляла ее.

– Пойдем, – скомандовал лысый «убийце» и поспешил к машине, на ходу разговаривая по телефону.

Дайнека надела ботинки, собрала рассыпанные вещи, закинула сумку на плечо и заставила себя идти...

Долго стояла под душем и, в третий раз намыливая мочалку, оттирала от тела как будто прилипшие прикосновения суетливых бандитских рук.

Глава 15

Надя

– Не верю... Этого не может быть... Идиот!

– Надя, я не понял, почему ты так со мной разговариваешь?! – Лысый Леннон покосился на своего приятеля, и тот немедленно отвел глаза в сторону. Ему хорошо были слышны слова Нади.

– А как еще с тобой говорить, Нодарик?! – Возмущенный женский голос с треском вырывался из маленького мобильного.

Лысый Леннон отстранил трубку от уха и откинулся на спинку автомобильного сиденья.

- Как такое могло случиться? Она была у тебя в руках, и ты ее упустил! Ты хоть понимаешь, о каких деньгах идет речь?!

Лысый Леннон молчал...

- Вы хорошо проверили сумку?

- Даже подкладку порвали!

- Одежду? Девчонку обыскали?

- Обшарили каждый сантиметр... Ничего!

- Ладно. Через полчаса жду тебя в «Порто».

- На Шмидтовском?

- Да...

- Буду через сорок минут.

- Тогда я успею сделать маникюр...

- Что?! - взревел Леннон.

- Жду в «Порто»... - Она отключилась.

Завидев черный «БМВ», служащий ресторана взмахнул рукой. Лысый Леннон припарковался там, где ему указали.

- Здравствуйте, Нодари Кириякович...

– Здравствуй. – Он протянул парковщику пятисотрублевую купюру, и тот проводил его до самых дверей.

– Серега! – окликнул приятеля.

Серега не отзывался. Он рассматривал фотографии, выставленные на обозрение у входа в ресторан.

– Смотри!

Лысый Леннон пробежал взглядом по лицам. Здесь были снимки знаменитых артистов, певцов, крупных политиков. Все они были увековечены в стенах этого ресторана, видимо, многие из них являлись его завсегдатаями.

На всех фото присутствовал один и тот же человек. Он улыбался с радушием гостеприимного хозяина, и в нем легко угадывался славный представитель многочисленного грузинского сообщества города Москвы.

– Кто это? – спросил Серега, постучав пальцем по стеклу.

– Хозяин...

– Хозяин? – напряженно переспросил Серега, он еще не распрощался с тюремным жаргоном и с трудом воспринимал «гражданскую» лексику.

– Хозяин заведения, – хмыкнул Лысый Леннон.

– Понял.

Официант в зеленом фартуке сопровождал их до столика.

– Что будешь есть? – спросил Лысый Леннон.

– Сам выбирай, я в этом не разбираюсь. Пишут одно – приносят другое.

– Не здесь... – рассеянно обронил Лысый Леннон и знаком подозвал официанта.

- Слушаю, Нодари Кириякович...

- Спагетти с морепродуктами, бутылку красного вина... Да! Не забудь лаваш!

- Сделаем, - заверил официант и заторопился на кухню.

- Поешь - и дуй в машину, - велел Сереге напарник.

- А ты?

- Я Надю подожду.

Серега кивнул и огляделся. Он хотел понять, почему именно здесь бывают все те люди, фотографии которых он только что видел. Нарочитая непритязательность интерьера наталкивала на мысль, что все самое главное в этом ресторане происходит на кухне.

Кроме зала, где сидели они, был еще один, у самого входа. Вне всяких сомнений, существовали и отдельные кабинеты, но сложно угадать, где именно.

- Ешь!

На тарелке, скрученные вороньим гнездом, дымились спагетти, утыканные черными пятнами ракушек и политые подливой, источающей аппетитный запах.

- А это зачем?.. - Сглотнув слюну, Серега ткнул пальцем в сторону вазочки с чем-то белым, похожим на порошок. Из его середины торчала ложка.

- Пармезан, сыр, - поспешил ответить официант. - Это, конечно, на любителя - к рыбе, но мы на всякий случай подаем.

- Принеси «Эспрессо». Сейчас, - приказал ему Лысый Леннон и, повернувшись к Сереге, спросил: - Вкусно?

Втянув в рот длинную макаронину, тот подтвердил:

– Класс!

– Я здесь частенько бываю. – Лысый Леннон окинул глазами стены, расписанные морскими сюжетами. – Здесь даже модель корабля есть. Видел? Жаль, только одна и плохонькая... Будь я хозяином, поставил бы штук десять разных. Чтоб с парусами и с пушками.

– Угу, – отозвался Серега.

Лысый Леннон ответил снисходительным взглядом. Мгновение спустя выражение его лица переменялось. Он распрямылся, сосредоточив свой взгляд на ком-то за спиной приятеля.

Серега оглянулся.

В зал вошла необычайно привлекательная женщина. Как флагманский корабль, под всеми парусами она устремилась к их столику. Полы наилегчайшего мехового мантио живописно развевались за ее спиной.

Швейцар, семенивший позади дамы, едва успел подхватить сброшенную на ходу шубку. Надя, а это была именно она, осталась в тоненьком белом свитере и светло-голубых брюках, обтягивающих стройные ноги в ковбойских сапожках.

На вид ей было не больше двадцати пяти, хотя придирчивый взгляд мог обнаружить в ее внешности штрихи, указывающие на действительный возраст: пресловутый тридцатилетний рубеж был давно позади.

Лицо, узкое и правильное, прямой нос, глаза не большие и не маленькие, твердый взгляд и вьющиеся каштановые волосы ниже плеч. Она напоминала породистую лошадь, норовистую, нервную и хорошо осознающую свое исключительное положение.

Ее тонкие ноздри подрагивали от напряжения, когда она усаживалась на стул, придвинутый официантом.

– Кофе, как обычно... Есть не буду – кусок в горло не лезет.

Официант снова устремился по своему протоптанному маршруту, а Лысый Леннон с тревогой вглядывался в лицо женщины.

– Рассказывай, – кивнула Надя. Можно только удивляться, как решительно и умело она управлялась с мужчинами. – Рассказывай, я говорю.

– В старухином доме ничего не нашли...

– Это я уже слышала. Теперь объясни, почему.

Лысый Леннон повернулся к Сереге:

– Поел?

Тот покрутил головой.

– Иди!

Не смея возразить, Серега встал из-за стола и направился к выходу. И не ошибся бы тот, кто предположил, что он горевал по оставшимся на тарелке спагетти.

Надя помешивала ложечкой кофе.

– Ну?

– Глаз с нее не спускал.

– Дальше, дальше, Нодарик...

– Упали ей на хвост сразу, как только поняли, что девчонка что-то нашла. Иначе зачем убегала? На выезде из Брянска упустили, у самой Москвы – догнали. Определили номер мобильного, поставили на прослушку. Жаль, что на это ушло много времени, наверняка что-то пропустили. Нахальная, сволочь, шустрая.

– Нахальная, говоришь? Ну-ну... – Надя усмехнулась.

- Я с ней не слишком церемонился. Бампером припер, чтоб не дрыгалась.

- Не о том рассказываешь. - Надя откинула волосы назад и уселась, сложив перед собой руки. Она в упор смотрела на собеседника.

- Рассказываю, как было! - огрызнулся тот и продолжил: - Через заднее стекло видел, как она говорила с кем-то по телефону. Ребята из Управления слышали: разговаривала с отцом. Послезавтра улетает в Италию, рейс - в Римини. Потом едет в Венецию.

- А вот с этого момента - подробнее... - вскинулась Надя.

- Это все. Остальное - мелочи, по хозяйству что-то. - И он продолжил: - Подъехала к университету, забежала внутрь. Серега обыскивал машину, я - за ней. Глаз не сводил. Ни с кем не разговаривала, никуда не заходила, покрутилась и вышла. А после того, как поставила машину и пошла домой, мы ее прямо на улице...

- Обыскали?

- Клянусь, Надя! - воскликнул Лысый Леннон. - С ног до головы, даже ботинки сняли. Ничего!

Он залпом выпил вино из пузатого фужера.

- Ты за рулем?

- Да...

- Не пей, когда за рулем. - Надя поднялась со стула и направилась к выходу. - И вот что... Достань мне билет на тот же рейс. Я полечу в Италию вместе с ней.

- А как же я?

- Ты полетишь другим рейсом.

Лысый Леннон отсчитал деньги, кинул на стол и устремился вслед за Надей.

- Ко мне? - спросил он, догнав ее у самого выхода.

- К тебе, - сказала Надя, и он широко распахнул перед ней дверь...

Аэропорт города Римини. Италия. 20 марта, 19 часов 20 минут

«Трагедия» превращалась в фарс. Гулять собирались всерьез, и «праздник» грянул...

Из буфета доносились смех и громкие возгласы. Рядом с Дайнекой шумно уселась растрепанная тетка средних лет, светловолосая, типичная русская из провинции, одетая в недорогую болоньевую куртку и джинсы.

- Валерио, нон вай![2 - Не ходи туда.] - заорала она вдруг по-итальянски, но с места не тронулась. Откинувшись на спинку неудобного кресла, продолжала наблюдать за годовалым мальчиком.

Перманентная потеря равновесия уносила малыша то в одну, то в другую сторону, причем отнюдь не туда, куда бы ему хотелось. Каким-то чудом в последний момент он успевал переставлять коротенькие кривые ножки, и было очевидно, что падение предопределено, хотя и откладывается.

- Еще час - и я возвращаюсь домой, - проговорила тетка по-русски.

- Вы живете в Италии? - спросила Дайнека.

- Да, уже много лет.

Между делом она рассказала, что, работая переводчицей, приехала однажды в Италию с группой туристов. Познакомилась с молодым итальянцем, но замуж выходить не спешила: слишком велика была разница в возрасте. Десять лет казались ей непреодолимым препятствием. Однако будущий муж сумел настоять на своем, и теперь плод их любви, неловко переставляя ножки, бежал к лестнице.

– Валерио, нон вай! – диким голосом заорала тетка и, вскочив, ринулась к сыну.

А Дайнека вспомнила, как три недели назад она улетала в Италию...

Глава 16

Посреди февральской весны

Въезжая на эстакаду Шереметьева-2, Дайнека думала о том, что где-то в зале второго этажа есть человек, который будет следить за ней и, скорее всего, полетит вместе с ней в Италию.

На табло она увидела, что уже идет регистрация на чартерный рейс Москва – Римини. У восьмого выхода выстроилась длинная очередь людей, сумок и чемоданов. Дайнека встала в хвост очереди, осматриваясь и пытаясь вычислить своего «попутчика».

У большинства пассажиров наблюдалось «предстартовое» возбуждение. Одни передвигали вещи поближе к узкому проходу, который загораживал собой толстый таможенник. Другие с треском раздирали рулоны скотча, обматывая коричневыми лентами свою поклажу, в бессмысленных попытках защитить ее от погрузочного вандализма.

Были среди пассажиров и такие, кто с аристократическим высокомерием взирал на всю эту возню. В их спокойствии угадывалась неспешность, которая сопутствует твердому финансовому положению.

В нескольких шагах от Дайнеки, повернувшись к ней спиной, стояла молодая женщина. Элегантное, золотистого цвета норковое манто, светло-голубые брюки, длинные, ниже плеч, каштановые волосы. У ее ног примостился кожаный саквояж, очевидно, изготовленный на заказ. Он был украшен натуральным леопардовым мехом и вычурным золотым вензелем, сродни королевскому. Саквояж казался небольшим, женщина не везла с собой много тряпок.

«Там купит», – подумала Дайнека и посмотрела на свою сумку. Несмотря на то что вещей было немного по сравнению с изысканным саквояжем, она выглядела вульгарной или, по меньшей мере, «излишне упитанной».

Женщина повернула голову и, встретившись глазами с Дайнекой, тут же отошла в сторону.

На участке досмотра Дайнеке предложили пройти в отдельную комнату. Это не входило в ее планы, но отказаться от подобного предложения она не могла. Вслед за ней несли ее сумку.

Дайнека обратила внимание на то, что особенно тщательно таможенник перебирал бумаги и документы. Затем женщина в униформе обшарила каждый сантиметр ее одежды и тела, не позабыв заглянуть в самые интимные места. Дайнека уже ничему не удивлялась и покорно вставала, садилась, раздевалась, поворачивалась и одевалась.

У нее ничего не нашли. Сумма наличных денег соответствовала задекларированной.

– Теперь я могу идти? – спросила она.

Извинившись, ее отпустили.

Глава 17

Партия ППП

– Вы не знаете, какие духи больше идут блондинкам? – женщина спрашивала низким голосом, наклонив голову и явно тушуясь. Неловкая и растерянная, она сильно выделялась из толпы ухоженных дам, стоявших у стеклянных прилавков с пробниками духов.

– Н-не зна-а-ю... – сказала Дайнека.

Невысокого роста, худая и бесцветная особа лет тридцати пяти производила впечатление случайно оказавшейся здесь, в зоне беспошлинной торговли Шереметьева-2.

Коротко стриженные, обожженные «химией» волосы выдавали провинциалку. Она все больше вжималась в свою потертую курточку, чувствуя собственную неуместность и чужеродность.

– Можете спросить у той девушки, – указала Дайнека на продавщицу косметики.

Женщина отшатнулась и пошла прочь, так и не решившись вступить в партию «Продвинутых Пользовательниц Парфюма».

Дайнека нашла свободное место. Рядом сидела монашенка, одетая в черную кацавейку, длинную до пят юбку и черный платок. По другую сторону устроился неопределенного возраста мужчина в церковном клобуке и длинной рясе, из-под которой торчали потрепанные брюки и дешевые туфли.

– Вы не слышали, на Римини уже объявили посадку? – Женщина в черном заглянула ей в лицо.

– Нет, не объявляли. Вы тоже в Италию?

– В Италию, милая, в Италию. Сначала в Римини, потому что билет туда дешевле. Потом поездом в Бари...

– Кажется, это город на юге?

– На юге Италии, обитель, место упокоения мощей святого Николая-угодника. Святое, воистину святое место.

Дайнека помнила, что именно в Бари Екатерина Эйнаути отправила своего сына. Однако впервые слышала, что именно в этом городе покоится прах святого Николая-угодника.

– Да что вы... – Она и вообразить не могла, что его мощи до сих пор сохранились.

– Истинно так. Вот мы с братьями и сестрами получили благословение Владыки на поклонение.

– А для чего это? – наивно поинтересовалась Дайнека.

Паломница отшатнулась и уставилась ей в глаза:

– Да как же, доченька, место ведь святое, благостное. Помощи испросить, наставления на путь истинный, защиты, благодати... А ты крещеная?

– Крещеная.

– Вот и ты съезди.

– Съезжу... – пообещала Дайнека и, простившись, поднялась с кресла.

Оставалось немного времени до окончания посадки в самолет, когда она увидела на прилавке магазина цифровую видеокамеру и, недолго думая, купила ее. Продавец объяснил, как ею пользоваться, снимая толпу пассажиров.

Дайнека вбежала в коридор, ведущий к самолету, последней. Извилистая кишка казалась живой, гулко отзывалась, вздрагивала и покачивалась при каждом ее шаге. Симпатичный стюард стоял у люка, как тренер на финишной прямой. Вытянув руку со счетчиком, с помощью которого обычно считают взошедших на борт пассажиров, он всем телом подался навстречу ей.

«Есть!» За ней захлопнули дверь, и она прошла в салон.

Глава 18

Посреди февральской весны

– Какая чушь! – Девушка смеялась, и ее сиденье вибрировало, больно ударяя по коленям. Дайнека мужественно переносила неудобное соседство. В переднем

ряду выпивали, на подлокотнике трясущегося кресла, как петушок на жердочке, пристроился разгоряченный кавалер. Он был в ударе, шутил и отчаянно ухаживал за всеми «тремями» пассажирками. «Девушке» в вибрирующем кресле было не меньше пятидесяти, и тянула она центнера на полтора.

Из прохода между креслами доносилось позвякивание бутылок. Стюардесса толкала впереди себя тележку с напитками и округлыми движениями передавала наполненные стаканчики в глубь рядов.

Извинившись, Дайнека попросила соседку выпустить ее в проход. Направляясь в сторону туалета, она изучала всех сидящих в креслах и стоящих в проходе. Где-то среди них находится тот, кого ей нужно бояться. Она вглядывалась в лица, пытаясь угадать, кто он.

Внезапно Дайнека наткнулась на жесткий взгляд женщины, сидящей в нескольких рядах от нее. Это была красавица с леопардовым саквояжем. Ее ухоженное лицо исказила гримаса недовольства: рядом сидела раскрасневшаяся особа из разряда тех, кого называют «челноками».

У туалетов скопилось не меньше десятка пассажиров. Дождаясь своей очереди, Дайнека прильнула к иллюминатору. Внизу проплывали тяжелые темные облака. Над ними сияло холодное голубое небо.

Она любила летать. Поездом ездить избегала, страшилась вновь ощутить сиротское чувство, которое не покидало ее всю дорогу во время давнего переезда из Красноярска в Москву. Спустя год после того, как мама ушла из дома, Дайнека и ее отец бежали от своего одиночества и ненужности ей. Тогда Дайнека впервые заметила, что к железнодорожным путям обращены все самые непривлекательные стороны городов – задворки жизни. Она чувствовала себя выкинутой из бывшей благополучной жизни, но еще не жила новой и не знала, какой она будет. Провожая глазами серые бесконечные заборы и выщербленные кирпичные стены, со страхом пыталась угадать свое будущее. Переезд занял трое суток, но она повзрослела на целую жизнь.

По тому, как больно заложило уши, Дайнека поняла, что самолет пошел на снижение. Загорелось табло, стюардесса велела занять свои места и пристегнуть ремни. Так и не дождавшись своей очереди в туалет, Дайнека решила вернуться.

Впереди возникла неразбериха. Дайнека видела, что ее центром было то место, где сидела она. Приблизившись, поняла, в чем дело.

Оказалось, что упитанная девушка, сидящая впереди, не желала расставаться со своим ухажером Петушком. И только вовремя подоспевший стюард разлучил два любящих сердца, не позволив им пристегнуться одним ремнем.

Уши закладывало все больше. Усевшись в свое кресло, Дайнека откинулась на его спинку. Она разевала рот, как выброшенная на берег рыба.

Заложив вираж, самолет накренился, и под его крылом открылась картинка из волшебной сказки. Маленькие домики с оранжевыми черепичными крышами, деревья – непривычно зеленые в это время года. Убегающее прочь в белых барашках море, и над всем этим – веселое южное небо.

Светило незнакомое солнце. Не то, тусклое и холодное, что проводило их в Москве, а необычайно яркое, оно согревало лицо Дайнеки, обещая другую, лучшую, жизнь.

С первыми шагами по итальянской земле к ней пришло ощущение радости и беспечного спокойствия. Воздух был напоен ароматом душистых трав, цветов и волнующим запахом моря. Дайнека чувствовала себя счастливой посреди этой удивительной февральской весны.

Паспортный контроль был весьма необременительным. Подхватив свою сумку с движущейся ленты транспортера, она подошла к стойке, за которой стоял представитель известной фирмы по аренде автомобилей.

– Vorrei...[З - Мне хотелось бы... (итал.)] – начала было по-итальянски Дайнека, но улыбающийся мужчина перебил ее, сказав почти без акцента:

– Я говорю по-русски. Здравствуйте, какую машину вы хотели бы взять в аренду?

Дайнека, немного посоображав, нашла единственное и главное слово:

– Недорогую.

– Разумное решение. – Мужчина улыбнулся, его белоснежные зубы показались ей фарфоровыми, – «Фиат Мареа» вас устроит?

– Вполне, – ответила она и тут же спросила: – А что это такое?

Предвкушение чего-то приятного и необыкновенного охватывало ее все больше. Вслед за чарующим запахом настоящего кофе она почувствовала аромат свежее испеченных булочек. Получив ключи от машины и пакет документов, Дайнека легким шагом направилась к барной стойке. Вместе с тягучим сладким эспрессо в нее вливалась уверенность в том, что отныне жизнь обретает смысл иной и ясный.

Дайнека вынула из сумочки телефон и сначала позвонила отцу.

– Папа, я прилетела, – сказала ему коротко. Потом, немного подумав, набрала номер Маурицио.

– Дайнека! Как хорошо, что ты позвонила! Я сделал все, как мы договорились. Будь осторожна!

– Спасибо, спасибо, Мура!

– Матта mia! Ты в Италии! Ciao! – В трубке раздались гудки отбоя.

Дайнека осмотрелась.

«Никого».

Никто не прохаживался рядом, никто не дышал ей в затылок...

«Странно...»

Плач за стеной

Она ехала на машине из аэропорта в город.

Непривычной была, пожалуй, не сама дорога, она очень походила на российскую. Потрясало количество указателей. Глядя на них, можно было узнать, как называлась ближайшая пиццерия, куда ехать, если тебе нужен бассейн, и в какой стороне море.

Вспомнив, что отель, в котором остановился Костик, находится на lungomare[4 - Набережная (итал.)], Дайнека направила автомобиль в сторону, куда была повернута коричневая стрелка с надписью «Mare».

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Добрые дела никогда не пропадают даром (итал.).

2

Не ходи туда.

3

Мне хотелось бы... (итал.)

4

Набережная (итал.).

Купить: <https://tellnovel.com/anna-knyazeva/venecijskoe-zaveschanie>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)